

1

ПРОЛОГ

В кафе было пусто. Блестели отполированные до зеркального глянца бокалы, деликатно и тускло перекатывали блики на пузатых боках бежевые чашки. Я неторопливо перегонял соломинкой кубик апельсиновой корочки по поверхности горячего, исходящего пряностью и жаром глинтвейна, и ждал. Угнездившийся напротив собеседник ещё не успел согреться с мороза: зябко съёжил плечи под тяжелой меховой курткой и обхватил кофейную чашку. Пальцы легко сошлись вокруг достаточно объёмной посуды, фаланги переплелись «змейкой», но аккуратные ногти казались синими – я давно заметил, что перчаток он почему-то не признаёт принципиально.

- Послушай, - наконец начал он и ещё помедлил, - спасибо, что согласился встретиться со мной в такое время. Я всё понимаю, семья и праздник это святое...

Два дня назад миновало Рождество. Сияли роскошные витрины, красовались наряженные ёлки, но город словно вымер, отлёживаясь, отдыхая после восторженного суетного предвкушения и бурного веселья. Короткий вздох перед предстоящим Новым Годом, но пока даже популярное и в целом престижное кафе оставалось пустым. Час был неурочный, едва ли стрелки часов успели уже отметить одиннадцать утра.

- Почему здесь, а, например, не у меня? – чтоб разрядить обстановку и хоть как-то наладить беседу поинтересовался я.

- Да брось. Я знаю, что твой сосед меня не переносит. Зачем портить хорошему человеку праздник? Можно на кафедре, но у меня дежурство ещё не скоро...

- Ладно, я понял. Так что случилось?

Бледно-золотистые брови на породистом лице страдальчески изломились. Он оставил чашку и запустил пятерню в густую шевелюру светлых как солома волос. Длинноваты – я бы предпочёл

стрижку поаккуратнее, но вот коллеге не повезло с оттенком кожи, и сквозь короткую причёску почти неприлично проглядывала розовая кожа висков. Наверное, что-то норвежское в крови, впрочем, я не спрашивал.

- В общем, мне нужен... совет, - наконец родил осмысленную мысль приятель.

- Уже теплее. Я так понимаю, совет сугубо личного характера?

- Н-да, - как мог уверенно, ответил тот. Сделал вдох, выдохнули решился. – Да. У меня проблема.

- Сейчас разберёмся.

- У меня серьёзная проблема.

- Я уже понял.

- Я обратился к тебе просто...

... просто потому что ты мой хороший друг, и тебе некуда больше идти. А случилось что-то, как я понимаю, из ряда вон, иначе не сидел бы ты тут и не трясся в чумной лихорадке. И не смотрел бы на меня такими несчастными глазами безвинной побитой собаки...

- ... Потому что у тебя был некоторый опыт... в подобных вопросах, - он намеренно подчеркнул слово «подобных».

- Та-ак, - протянул я достаточно недовольно, чтобы это сразу стало ясно как божий день.

- Пообещай мне, что никому не скажешь!

Я потерял терпение.

- Клемент, я что похож на главного болтуна университета? Или телефон твоей мамочки выучил наизусть? А то берегись, продам скандал в вечернюю прессу! Ты сам знаешь, я не святой. Что у тебя случилось? Выкладывай!

Он совсем поник, будь на его месте щенок – даже ушки бы жалобно опустились. И это взрослый человек, доцент кафедры... ай-ай-ай...

- Ты это, - вкрадчиво сказал я, стараясь поймать осмысленный взгляд. Как ни странно, это удалось почти сразу. Похоже истерика нужна была больше для очистки совести «согрешившего». Но я был неумолим. – Клемент, в паспорт себе загляни, - и с удовольствием

отметив изумлённый, непонимающий взгляд, продолжил, - а там уточни, сколько тебе лет. Не шестнадцать, друг мой. И даже не двадцать шесть.

- И даже не тридцать шесть, - проворчал он, обиженно соглашаясь с очевидным фактом.

Вот и поладили.

- Выкладывай.

- Понимаешь, я...

- Ну, ты.

- Я, я...

- А вот иностранным не владею. Это ты у нас спец.

- Я с ней переспал.

2

Глава 1. Новенькая

... Когда она вошла, я сразу понял, что запахло неприятностями...

Курс был тупой. Противный курс, и даже ребят из «умной» группы приходилось теревить за два уха, чтоб раскачались хоть на что-то. От остальных и ждать-то было нечего, но профессор Стенс терпел. Сегодня на его долю достались: два оборзевших молокососа (дети богатеньких родителей, показательно маявшихся похмельем на первой парте, один вытянувшийся и лопоухий, второй жирный настолько что стул под ним жалобно прогнулся; про себя он их так и прозвал «Толстый и Тонкий»), анекдотическая блондинка и её верный лощёный спутник Дэниель – парень вполне толковый с ним можно было работать, и пяток серых мышек и зайчиков, равномерно рассредоточившихся по аудитории. Эти были совершенны в своём незнании предмета и брали исключительно количеством – покорно посещали все лекции и семинары до единого. После такого ни один уважающий себя преподаватель меньше четвёрки не поставит. Однако при попытке выудить из них хоть что-то из пройденного материала, глаза их тухли, словно повернулся невидимый выключатель. Всё, нет человека, был только что, а теперь одна оболочка, мёртвая скорлупа, слепая, немая, и глухая - с малиновыми от стыда ушами.

- Тема занятия, - обречённо начал профессор. – Составное сказуемое в английском языке.

Блондинка с приятелем принялись старательно записывать тему в тетрадки, похмельная золотая молодёжь на первой парте переглянулись, зайчики с мышками... ну вот, пожалуйста! – уже отключились. Кто-то рисует на полях, сходя в привычный транс, кто-то тихонечко, на коленках перелистывает засаленный романчик. Никому не мешают, и на там спасибо. Зачем, ну зачем, скажите, этим увальням английская грамматика? Выучили бы «пожалуйста, Ваш кофе», и ладно. Впрочем, его мнения о предстоящем трудоустройстве обормотов никто не спрашивал, у него, хвала небу, была своя работа, которую надо было выполнять. Стэнс вздохнул и собирался

продолжить, но в дверь постучали.

- Да? – возрадовался он лишней возможности отвлечься.

Дверь открылась.

- Скажите, здесь занимается группа А-2, - поинтересовался негромкий девичий голос.

- Да, - профессор беглым взглядом пересчитал головы – все были в сборе.

- Простите за опоздание, я новенькая, поэтому заблудилась пока искала аудиторию. Можно войти?

- Входите, - оторопело сказал профессор, понимая, что боги его за что-то серьёзно невзлюбили.

Тяжелые остроносые ковбойские сапоги глухо щёлкали по кафельному полу, штаны из чёрной кожи более уместны были бы в каком-нибудь стрип-клубе, бесформенная толстовка не по размеру с мордой зеленоглазого волка во всю ширь, распущенные волосы падают ниже плеч, почти закрывая лицо, потому что девушка слегка сутулится. И руки. Стэнс не смог сходу сосчитать количество широких серебряных колец, некоторые – почти во всю фалангу. Плюс к этому шипастые браслеты на запястьях, а от них, о, боги, боги, цепи, как-то хитро крепившиеся к кольцам. Всё это колыхалось в такт движению, и звучно брякнулось об парту, когда новенькая села.

3

Скачано с сайта knigomania.org

Она выбрала пустое место возле стены, достала из потёртого рюкзака толстую тетрадь и ручку и подняла взгляд на доску. Профессор с интересом взглянул новенькой в лицо, стремясь запомнить, а то вдруг потом придёт на экзамен без спецкостюма и не признаешь ненароком – и изумился. В отличие от вызывающего антуража, лицо было милым, и сложно понять, чего было в нём больше – детского или женственного. И сквозь рассыпчатые пряди рыжеватых волос на него уставились огромные, почти чёрные глаза. Настороженные, и кажется, даже чуть насмешливые.

Профессор помимо воли слегка прикрыл глаза в молчаливом приветствии.

- Продолжим!

Лекция пошла своим чередом, и к немалому удивлению профессора, новенькая принялась конспектировать наперегонки с Дэниелем. Цепочки заскребли по столешнице. Группа искоса присматривалась к незнакомке. Минут через двадцать произошло неизбежное.

- Нет, ну это невозможно, - скривила точёный носик светловолосая Надин, - можно как-то потише, а то сконцентрироваться нельзя! Кто вообще её сюда пустил?

- Тебя не спросили, - не поворачивая головы, пожала плечом новенькая, но всё же вырвала из блокнота листок и подложила под правую, пишущую руку. Цепочки перестали биться об стол, стало значительно тише.

Профессор попытался вернуться к теме.

- Слышь, а ты чё в сапогах-то, - не потрудившись особо понизить голос, прошипел Тонкий, - дождь на улице?

Новенькая перевела взгляд с доски на профессора Стэнса. Выжидающе, вдумчиво. Она слушала его, она ждала продолжения лекции, всё остальное было не важно. Он хмыкнул и заговорил снова.

- А чего кожу нацепила, байкерша что ли? – это Толстый.

- Да блин, вы мешаете! – ненатурально пискнула в полный голос Надин, крайне заинтересованная в скандале. Любую женщину на её территории полагалось сразу поставить на надлежащее место, особенно такую, чтобы с первого дня знала, кто тут главная, самая красивая, и самая заметная заодно.

- Ре-бя-та, - профессор постучал по столу длинным указательным пальцем. Вышло звучно, он больно ушиб фалангу, но виду не подал.

Они уgomонились, но замечания хватило ровно на четыре минуты.

- А что это за собачка у тебя? – сложила губки бантиком одна из мышек с соседней парты.

Уголок губ новенькой раздраженно дёрнулся.

- Это волк, - сухо ответила она сквозь зубы, и тихо-тихо, на грани слышимого.

- Это чтобы сисек не видно было, - отличился умом и сообразительностью Тонкий. В полный голос, бесстыдно.

- Да наоборот, там сисек нет, - гоготнул Толстый.

- Хронический недоебит, - голосом гнусавого фармацевта проблеял Тонкий.

- А чё, хочешь, вылечим?

Ребята загудели, Надин захихикала, хлопая ресницами, и как бы невзначай свела лопатки, чтобы уж никто не усомнился, что уж у неё-то под элегантной клетчатой кофточкой всё есть, и ещё какое. Дэн фыркнул, сдерживая неприличный хохот. А новенькая что-то сказала.

- Чего-чего?

- Да погодите вы, не слышно!

- В зубы дам, - низко и неприязненно повторила девушка, когда все затихли и уставились на неё. Вот теперь она смотрела на них. И взгляд был волчий, затравленный, злой и безысходный.

- А ну, прекратите! – вмешался Профессор, оказавшийся в стороне от развития событий.

Нет, всё-таки до чего же поганый курс!

4

В учительской царил приятный полуденный полумрак. Клемент выдохнул, успокаиваясь. Запустил кофе-машину, разложил журнал и приготовился к заполнению. Между делом оглядел собравшихся, публика была как раз подходящая, люди, которых можно назвать приятелями по кафедре.

- Коллеги, - как бы между делом бросил он поверх чашки с кофе, - а вы не в курсе, что это за кошмар в чёрной коже у нас завёлся?

- Новая девочка? – откликнулась Валента, пожилая преподавательница истории. – Ленисс – её фамилия. У меня она тоже была.

Клемент незаметно усмехнулся, представив себе, что бедная госпожа Валента, седовласая и ухоженная, с тонкой золотой цепочкой, идеально уводящей взгляд от старческой кожи на шее в сторону аккуратного выреза блузки, испытала, узрев это лохматое, гремящее цепями чудовище.

- Она неплохо знает предмет, усидчива. Активная, не стесняется отвечать...

Клемент чуть не поперхнулся кофе.

- То есть, вы хотите сказать..?

Валента улыбнулась по-матерински.

- Клемент, это же дети. Сейчас мода такая, уж вы-то могли бы и привыкнуть.

- Вы всё меня за молодёжь держите, - проворчал Клемент, чувствуя, что разговор уходит совсем не в то русло, которое приятно обсудить с коллегами.

- Да было, молодой человек, - лукаво ввернула ехидная старушка, - лет за пять до вашего здесь появления, у нас один юноша ходил на занятия с зелёным ирокезом. И никто ему слова сказать не мог, потому что форма у нас не установлена. Отчитывали, грозились и к ректору водили, а толку? Кстати, талантливейший был мальчик, за границу уехал, с какой-то нефтяной фирмой работать.

А может, госпожа Валента была права? Клемент вспомнил серьёзные настороженные глаза девушки. Действительно совсем ребёнок, но как внимательно она слушала. И терпела, пока насмешники не перешли уже все мыслимые грани приличия. Терпела молча, покорно, как терпит каторжанин. А он тоже хорош. Отвлёкся, смущённый нелепой внешностью – как Валента сказала её зовут? Леннис! – и проморгал момент, когда пора было вмешаться и спасти ситуацию. Осёл, ой осёл.

Ну и задам же я этим маменькиным деткам, подумал профессор Стенс и принялся заполнять журнал.

Самые отпетые дебоширы и выпендрёжники прогуливают часто. Профессор бы не удивился, если бы следующая встреча со странной студенткой состоялась бы на экзамене. Он влепил бы ей трояк из уважения к сильной личности, и выставил бы вон, забыв как страшный сон. Однако в четверг, пересчитывая ненавистную группу А-2, он обнаружил её на своём месте: вторая парта у стены. Те же ковбойские сапоги, та же толстовка не по размеру. И – приятное новшество, аккуратно подстриженная чёлка. Теперь было видно её лицо, а человек, не прячущий лица, выглядит более открытым, контактным. Это было хорошо, в этой группе проблем и так хватает. Он приветствовал её взглядом прежде чем обратиться ко всем:

- Здравствуйте!

Новенькая встала. Остальные остались сидеть, такой строгой дисциплины Стэнс никогда не требовал. Паразиты начали хихикать, девушка стояла.

5

- Садитесь, Лэннис, - подбодрил профессор с улыбкой и добавил, - спасибо.

Он открыл свои записи и выписал тему на доску.

- Ну-с, господа и прекрасные дамы, кто хочет поделиться своими знаниями на тему составного сказуемого?

Недовольный ропот свидетельствовал о том, что дураков нет.

- Я вас предупреждал, вы меня слышали. Пожалуйста, вы, - он наугад кивнул Толстому.

- Ну, составное сказуемое оно... это. Состоит.

Профессор дал ему помянуть в своё удовольствие ещё минуты полторы, позволяя собравшимся лишний раз убедиться в кромешной тупости того, над чьей пошлой шуткой они так веселились пару дней назад.

- Достаточно. То есть суть понятия составного сказуемого вы так и не уяснили. Плохо, очень плохо. Вы!- он кивком поднял Тонкого. Толстый сел.

- А я не знаю, - с вызовом сказал Тонкий, и Стэнс заметил, что говорит он как-то странно. Может, пивка накатил перед занятием? Он пригляделся, почти принял, и понял: у парня были разбиты губы. Хорошо разбиты, основательно. Не боксёрский удар, но и не игрушечная пощёчина – кулаком прилетело.

Теперь и не вспомнить, кто потом рассказал ему, как было дело. После первой стычки неразлучная парочка кретинов подстерегла новую местную сумасшедшую на заднем дворе, куда студенты выбегали курить, не рискуя рисоваться у парадного входа. Хотели ещё поиздеваться, довести до слёз... она не стала размениваться на Толстого, который нагличал и кривлялся больше. Выбрала соперника, хотя бы как-то сопоставимого с ней массой и, как обещано, залепила ему по лицу. Тонкий настолько этого не ожидал, что на секунду замешкался, а потом замахнулся и ввалил в ответ, совершенно не думая своими куцыми мозгами. На счастье в сторонке стояли ребята постарше, и драчунов разняли быстро, без привлечения

преподавателей и бескровно. Ну, почти.

Стенс пробежал взглядом по аудитории и наткнулся на её настороженный взгляд. Что там говорила старушка Валента? Отвечать не стесняется? Посмотрим.

- Ну-ка, ты... Волчица.

Она встала.

- Почему Волчица? – как ни странно, она выглядела удивлённой и... польщённой, что ли.

- Надо же мне вас как-то называть, - улыбнулся Стенс, кивая на волчью кофту. И только тут сообразил, что попал: припомнил, что у таких ребят как она вроде бы в ходу клички. – Итак?

- The compound verbal predicate consists of... - начала девушка. Ровно, размеренно, изредка делая небольшую паузу, чтобы подобрать нужное слово, или аналог, если определение не вспомнится.

Профессор сдержал малодушное желание открыть рот. То, что все остальные с грехом пополам могли (а чаще не могли) истолковать на родном языке, барышня как по писаному шпарила на иностранном. Он задал дополнительный вопрос в тщетной надежде сбить её с толку, с заученных формулировок. Она подумала немного, и ответила также спокойно и уверенно. При этом она чуть склонила голову на бок, отчего свежее-подстриженная чёлка качнулась в сторону, и Стенс наконец понял причину такой модификации причёски: на лбу у девушки, уходя под корни волос, зеленел фингал, отчётливый и свежий. Трёхдневной, надо полагать, давности.

- Спасибо, садитесь. Отлично, - с трудом заставив голос звучать небрежно, проговорил он.

Мало всё-таки опустил раздолбаев, с сожалением решил он, вот поймал бы на месте, они бы у меня точно вылетели пинком под зад, и маменька с папенькой бы не спасли...

Занятие закончилось, студенты засобирались и вытекли из аудитории. Одна Волчица задержалась, что-то перебирая в рюкзаке. Закончила, кинула лямку на плечо, и подойдя к нему представилась:

- Флёр.

- Очень хорошо, - он расценил это как жест признательности. Что же, спасибо за доверие. – Значит, Флёр Леннис. Ставим «отлично», - он

сделал пометку в блокноте.

- Де Ленисс, - поправила она. – Как Де Монте Кристо.

Стенс улыбнулся от неожиданности, поправил запись. И вдруг подумал, а улыбнулась ли она в ответ? Но было поздно, в аудитории кроме него никого уже не осталось.

... - Да уж, беда с этими умными выскочками, - со знанием дела согласился я.

Скачано с сайта knigomania.org

Глава 2. Экзамен

...я проводил её взглядом: три шага до двери, два, она толкнула створку, вышла в коридор, и аккуратно притворила её за собой. А я по-прежнему не мог сообразить, что сказать.

Прошло несколько месяцев, и Стенс был немало удивлён обнаружив, что у Волчицы появились подруги. Две пустоголовые девахи Мариа и Анна сливались в его сознании в единое существо “МариАнну”, где первая – легкодоступная ветреница, помешанная на дорогой косметике и модных шмотках, а вторая и вовсе бледная тень. Стенс легко мог представить их рядом хоть с той же Надин, но с Флёр... А та и ухом не вела. Преспокойно и ежедневно давала им списывать домашние, и подсказывала на контрольных – достаточно ловко, чтобы её не удавалось поймать на горячем. Первый выпавший тест она написала наравне с Дэном, а у него был самый высокий результат в группе. На следующем вышла вперёд на восемь баллов к молчаливой ненависти Надин. Последняя ненавидела гнусную выскочку всеми силами своей блондинистой души, но сделать ничего не могла. Сама Флёр не списывала никогда.

Но что ещё удивительнее, у Волчицы появились друзья. Два здоровенных облома со старшего курса, в таких же чёрных куртках. Правда такого количества колец и цепей не было ни у одного.

- Вы что, по спецкостюмам друг друга различаете? – пошутил он как-то, увидев эту славную компанию, пригревшуюся на первом весеннем солнышке.

- Ага, - жизнерадостно улыбнулась Флёр. – Доброе утро, профессор!

Он долго присматривался, временами ловя себя на грани примитивного шпионажа, но так и не понял, кто из парней был другом сердечным, а кто – просто другом. Высокий, почти как сам профессор, плечистый красавец с густыми волнами каштановых волос до плеч, кажется, нравился девушке больше. Зато второй,

плечистый крепыш, дюже смахивающий на медведя, вообще по возможности не отставал от неё ни на шаг, чуть ли не провожая из аудитории в аудиторию между парами. Почему-то размышления о том, кто же из них с ней спит были Стену неприятны. Показались не то неприличными, не то... в общем, эту тему он забросил, вероятно чутьём уловив, что на самом деле близок ей не был никто из них.

Зато Толстый и Тонкий теперь обходили сомнительный объект для насмешек седьмой дорогой. Слух об их исторической драке облетел весь институт, и одно дело дразнить девчонку, а другое – нарваться на двух крутых парней, у которых наверняка есть свои друзья.

Флёр приходила на его пары дважды в неделю, садилась на своей второй парте у стены, и во время занятия смотрела либо в тетрадь, либо на доску, либо на него. Поначалу он терялся, но потом привык. Было удобно обращаться не к слепой аудитории, а к заведомо заинтересованной и внемлющей, и Стенс стал ловить её взгляд, объясняя особо заковыристые нюансы грамматических хитросплетений.

Он пробовал вызывать её к доске, и тогда, кажется, впервые уловил аромат духов – необычный и совершенно не молодёжный, свежий и терпкий одновременно. Духи для взрослой утончённой женщины, не для подростка, странное сочетание, бунтарская молодость и такой... ммм... осторожный, грамотный выбор... Профессор Стенс понял, что не слушает ответа, поблагодарил, поставил «Отлично» и попросил сесть на место. Звякнули цепочки на руках – к ним давно все привыкли, Флёр больше не приходилось подкладывать под руку черновик.

Постепенно Стенс выработал новую тактику.

Теперь прежде чем выслушать правильный ответ Флёр, он перебирал поочерёдно всю группу, не забыв никого, даже самых серых зайчиков и мышек. Выдернутые из привычно равнодушного отношения к занятиям они роптали, и потихоньку учились отвечать, потому что позориться на каждом занятии было неприятно и непрестижно: из незаметных тихонь превратиться в объект издёвок не хотелось никому. И Стенс с удивлением обнаружил, что вся группа ожила, зашевелилась.

Флёр бунтовала нелепым одеянием и наглыми повадками. Они же бунтовали против её сообразительности и ума. Пробовали пародировать сосредоточенное внимание с которым она относилась к учёбе – и не могли, терпения не хватало. Флёр теперь часто улыбалась – всем, даже Толстому и Тонкому. Конечно, хорошо улыбаться, когда за спиной всегда стоят два личных охранника.

Её любили учителя и ненавидел декан – за внешний вид, разумеется, но как совершенно справедливо заметила профессор Валента, гольшом она не ходит, остальное не наказуемо.

Наступила пора летней сессии – мучительной судороги перед долгожданным отдыхом. Клемент проклял всё на свете. Это студентам кажется, что им тяжело – готовиться, нервничать, сдавать, пересдавать, упрашивать... Преподаватели знают, что тяжело на самом деле им.

Клемент готовил порции билетов по разным курсам – одну за другой, обновляя задания, подгоняя сетки ответов, чтобы не совпадали с прошлогодними. Экзамены затягивались на много часов, особенно если кому-то приходилось сдавать устно а не в форме теста. Тесты приходилось проверять ночами. Он автоматически сверял ответы с сеткой, выпивал порцию виски и падал на кровать, чтобы открыть глаза через шесть часов и снова окунуться в жаркий мутный кошмар перегрузки. Однажды даже галстук забыл снять перед сном, за что и поплатился – галстук был любимый, а помялся сильно, пришлось в спешном порядке подбирать другой.

До приснопамятной группы А-2 дошёл черёд уже в июне. Лето началось немилосердно – с середины мая, жаркое, плавящее,

испепеляющее. Трава на газонах выгорела до желтизны, оживая только там, куда доставали струи поливочных распылителей. Кондиционера в аудитории не было, и профессор Стенс страдал, не смея снять пиджак, ибо по рубашке ощутимо расплывались пятна пота. Студентом повезло больше, рваных джинсов и футболок ещё никто не отменял.

Флёр попалась ему на пороге экзаменационной, стояла, подперев загорелым плечиком косяк и вчитывалась в конспект.

- Здравствуйте, профессор, - она не улыбалась. Снова смотрела настороженно, недоверчиво... волчонок, а не волчица. И Клемент наконец понял, чем польстил ей, когда назвал так «по-взрослому». Ребёнок, какой же она в сущности, ребёнок.

- Флёр, а вы зачем пришли?

- На экзамен, - густо-карие глаза стали совсем уж испуганными.

А теперь уже не волчонок, а щенок, пронеслось в голове.

- Автомат, автомат, Де Леннис, давайте сюда зачётку.

- Не получится, - она демонстративно достала зачётку и зажала в кулачке, - три «автомата» уже есть. Если декан дознается...

Чёрт, кто-то раньше меня успел, сволочи, зло подумал профессор, и приговорил:

- Тогда пойдёте последней! А то знаю я, как ловко вы умеете подсказывать.

8

Она хотела что-то сказать, но смирилась. Отошла, чуть не плача, уселась на скамеечку в коридоре и раскрыла конспект.

Зачем это я так, сам себе удивился Клемент, ну пустил бы её в начале, поспрашивал, поговорил в кои-то веки раз с неглупым человеком...

Экзамен шёл своим чередом. Профессор запускать в экзаменационную четверых (больше сложно было контролировать взглядом одновременно), как только один мученически заламывая брови, истекая трудовым потом, выслушивал приговор, и вылетал в коридор окрылённый, на пороге возникал следующий, тянул билет... череда заковыристых бормочущих ответов казалась бесконечной. Аудитория была на втором этаже, и сквозь высокие окна отлично просматривался двор. Стенс то и дело бросал завистливые взгляды на молодёжь, удобно расположившуюся в тени раскидистых каштанов. Ребятам было хорошо, у ребят было лето, очередной сданный (или не сданный) экзамен позади и крылья молодости за плечами. Наверняка в тени, на ветерке, было совсем не так противно. О, а вот и знакомая компания: двое в чёрном, с которыми вечно таскается Флёр. Интересно, они что, даже спят в этих куртках? Зимой и летом одним цветом... Рядом с парнями нарисовалась Флёр, что-то сказала, оба пожали ей руку на удачу и неторопливо зашагали прочь. Всё ясно, эскорт свободен. Стенс понял, что отвлёкся, и сделал усилие, чтобы уловить мысль в сбивчивом бормотании очередной экзаменуемой посредственности.

Наконец в ведомости осталось всего четыре пустые строчки. Дверь открылась, профессор поднял глаза. Флёр шагнула в комнату и в упор укоризненно уставилась на него.

Так-так, кажется, я оторвал принцессу волков от чего-то интересного.

- Берите билет.

Она взяла не глядя, подхватила из стопки проштампованный листок и села. Зашуршали по парте затейливые цепочки – Флёр излагала на бумаге знания.

- Ну-с? – подбодрил Стенс, когда оставшиеся трое благополучно выкатились вон.

Она подошла, протянула зачётку. К тому моменту масштаб предполагаемого ответа на два вопроса составил три листа некрупным почерком. Флёр положила листы чуть в стороне и, стараясь не подглядывать в свои же собственные записи, приготовилась отвечать.

А что, решил вдруг Клемент, ты хотел поговорить, вот и поговори.

- Давайте просто побеседуем, - предложил он, откидываясь на спинку кресла.

Он заметил, что Флёр чуть ли не впервые на его памяти откровенно растерялась.

- Ну, давайте, - ошеломлённо ответила девушка.

Чтобы хоть немного снять напряжение, Стенсперешел на английский язык. Флёр расслабилась тут же, мгновенно, ей было легко и комфортно, она с радостью демонстрировала блестящие знания.

- Откуда ты так хорошо знаешь язык?

- Я училась в хорошей школе.

- А кем планируешь стать после института?

- Вряд ли пойду работать по специальности.

- Очень интересно! А зачем же тогда ты здесь учишься?

- Направление хорошее, красивый диплом...

Стенс с интересом оглядел её. Синие джинсы, чёрная футболка, на футболке длинноволосый... то ли парень, то ли девица, так и не разберёшь, подпись «Let's Rock». И эти цепи... Бунтующий подросток. А разговаривает с ним, как взрослая женщина, сознательная и целеустремлённая. Стенс не привык видеть подобное в своих подопечных.

- Ну а кроме учёбы ты чем увлекаешься?

Она усмехнулась, и ему померещилось в этой усмешке что-то странное, но не разобрать, что именно.

- Работой.

- Ты работаешь?

9

- Я работаю с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать.
- А твои родители не возражают?
- А почему, собственно, они должны возражать? – Флёр подпёрла подбородок кулачком.

А Стенс понял, что потерялся, и ему нечего ответить. Она расценила это иначе, и для поддержания разговора задала ответный вопрос:

- Вам нравится преподавать?
- Ну, это смотря кому преподавать, - фыркнул профессор. Нет бы веское слово сказать в пользу любимой и уважаемой профессии!
- Понятно, - Флёр засмеялась так искренне, что Стенс не сдержался, улыбнулся в ответ. Она подобралась на неудобном стуле, отвела назад плечи, расправляя затекшую спину, и Стенс заметил, что верх у футболки полупрозрачный – тонкая сеточка, легко пропускающая воздух.

Сил моих больше нет, - решил он, и провозгласил.

- Ладно, хватит.
- Теперь мне можно ответить билет? – она снова потянулась к исписанным листкам.
- Нет, - он успел прихлопнуть листы ладонью, и случайно попал ей по пальцам. Не сильно, можно не извиняться. Стенс потянул листы на себя, другой рукой протягивая зачётку. – Экзамен отменяется, получайте своё «отлично» и гуляйте!
- А я так старалась, - голос был укоризненный, но в карих глазах полыхнули весёлые огоньки.
- Могу предложить чашку кофе в качестве компенсации, - ляпнул Стенс, и только потом сообразил, что спорол не то.

Давай, дружок, это то, что нужно: на глазах у всего института пройтись через дворик до ближайшего кафе со студенткой. Чтобы завтра два её дружка имели со мной предметный разговор где-нибудь

на задворках. Это если декан не убьёт прямо с утра. Эти мысли вихрем пронеслись у Клемента в голове, и он срочно исправил ситуацию:

- У нас в учительской замечательная кофе-машина! – он стал неторопливо и аккуратно складывать ведомости в стопку.

- Кто же пьёт кофе в такую жару?! – Флёр услужливо собрала в кучку оставшиеся не востребованными билеты и положила на край стола.

- А что? Холодный чай с лимоном?

Ему показалось, она с трудом сдержалась, чтоб не обозвать его дураком. Или каким-нибудь иным, наверняка куда более подходящим словом.

Флёр молча раскрыла свой потёртый рюкзак. Бросила внутрь ручку, достала взамен и протянула ему...

10

Он всё-таки не сдержался и захохотал. Хрупкая девушка угощала его бутылкой пива.

Флёр поставила бутылку рядом со стопкой аккуратно сложенных билетов, забрала зачётку и миролюбиво кивнула:

- Хороших каникул! – и пошла к двери.

Клемент проводил её взглядом: три шага до двери, два, она толкнула створку, вышла в коридор, и аккуратно притворила её за собой. А он по-прежнему не мог сообразить, что сказать.

- Где тебя носило, Волчица, - приветливо помахал рукой Ганс. Они с Филиппом удобно расположились на травянистом склоне подальше от шумного люда, прогуливающегося по набережной где торговали лимонадом, мороженым и сахарной ватой.

- Как это где? Грызла гранит науки, - Флёр бросила рюкзак, и с удовольствием потянулась, охотно демонстрируя всем желающим изгибы скрипичной фигурки, элегантно облепленные тонкой футболкой.

- А чего так долго? – Фил только повернул голову: он с комфортом разлёгся на солнышке, скатав неизменную куртку в аккуратный валик вместо подушки.

- С профессором заболталась, - непосредственность – лучший козырь, если хочешь избежать подколов. Впрочем с этими двумя что ни скажи – всё превращается в хохму.

- С профессором? – воодушевлённо протянул Ганс, - это с каким это профессором ты болтаешь по полдня?

- Со Стенсом.

- Белобрысый такой, - лениво протянул Филипп, - ну, ты знаешь.

- Очень душевно пообщались, - подлила масла в огонь Флёр. В компании друзей не обидно, даже когда смеются над тобой. Конечно, если это настоящие друзья.

- О, вот с этого момента поподробнее, пожалуйста!
- Это сказка для взрослых, - предупредила Флёр, растягиваясь на травке и пристраивая рюкзак так, чтобы было удобнее. – Так что дайте пива!

Филипп потянулся к прикорнувшему неподалёку пакету и покатил в её сторону алюминиевую банку.

- Ты же такое не любишь, - напомнил Ганс, - всегда сама таскаешь свою несусветную сладкую бурду.
- Сегодня не сложилось. И потом, не попрусь же я с пивом на экзамен?
- А почему нет? – гоготнул Ганс.
- Кстати, классная идея, надо попробовать, - поддержал Фил, и компания с восторгом переключилась на обсуждение фантастических планов дебоша, включающего распитие пива до, после или прямо во время учебного процесса.

Скачано с сайта knigomania.org

Клемент так и не смог решить, смешно всё это, трогательно или неприлично. Вот тебе и беседа с умным человеком: оторвал девушку, да ещё и отличницу от честно заработанного отдыха; пиво с друзьями это святое. Вот что ей стоило сказать на прямоту? Ага, - он тут же представил себе ситуацию в лицах, - «профессор, примите-ка у меня экзамен побыстрее, меня там ребята ждут пиво пить...» Не то. Не её стиль. А если тихонько, в стороночке «простите пожалуйста, можно я буду сдавать первой, меня, видите ли, ждут – неудобно получается...» и от бы, конечно, согласился, как миленький. Только вот и шушуканье в сторонке – не та манера. Вот и получается что он морил ни в чём неповинную девушку часа два в коридоре, а потом она развлекала его культурной болтовнёй, как, собственно, он и хотел. И в придачу подарила этот милый сувенир.

Он снова посмотрел на бутылку. Безнадёжно нагреться она не успела: очевидно Флёр купила её по пути на экзамен, дабы употребить сразу после. «Лаффе» - местная изюминка. Пожалуй, слишком местная. Многие, впервые попробовав, начинали отплёвываться в буквальном смысле – сладковатый медовый привкус делал напиток с их точки зрения непригодным к употреблению. Но Клемент давно привык, и если и пил пиво, то предпочитал именно это. Приятная неожиданность. Бутылка запотела, на стол одна за другой по тёмному боку скатывались маленькие капли. Куда бы её деть? Не за пазуху же прятать. В папку с бумагами не влезет. В руках нести смешно. Хоть бы пакетик какой... он усмехнулся, представив бутылку пива в подарочном пакете из тех, в которых нерадивые студенты приносят вино, коньяк или виски – замаливать грехи. Ладно, вынести – это полдела. А что потом? Не домой же с ней идти – жена не оценит, особенно если узнает, откуда он это взял. В ближайший парк на скамеечку? Окстись, придурок, ты-то из подросткового возраста давно вышел. В любимый бар? И повеселить завсегдатаев и бармена этой милой историей?

- Профессор Стенс, что это у вас такое?! – удивление декана уже к концу фразы переросло в настоящий гнев, праведный и истовый.

- Извините, декан! – Клемент моментально представил, как это выглядело со стороны: сидит себе дорогой профессор и томным взглядом пялится на бутылку пива. Красота, да и только. – Это... это случайно... это шутка. Ребята так пошутили, - нашёлся он, наконец.

- Что за группа?

- А-2, - развёл руками Клемент, между делом широкой ладонью тихонько опустив бутылку в карман пиджака. Горлышко слегка торчало, но если не особо размахивать рукой...

- А, ну да. Эти могут, - согласно кивнул декан, и спокойно пошёл своей дорогой.

- Ну и где ж ты его в результате выпил? – задал я животрепещущий вопрос.

- Где-где... в библиотеке засел. Взял ключи, заперся изнутри, и выпил под томик Вольтера. А если бы кто-нибудь пришёл, я бы недопитую бутылку поставил в урну и сказал, что не моё.

- Неслыханное святотатство, - фыркнул я. – Это про Вольтера. А так-то конечно, у нас всегда студенты виноваты.

- Ничего, за пиво мне благоверная выписала отдельно, уж будь покоен.

Глава 3. Прогул

... Позже я пришёл к выводу, что в этот момент думать перестал.

Лето стёрлось пыльной полосой переезда – Клемент с супругой наконец-то перебрались из тесной квартиры в респектабельный частный сектор. Стоило такое удовольствие не дёшево, однако это была их мечта. Особенно радовалась госпожа Стенс. Клемент с Дениз были красивой парой. Её золотистые локоны и приятная округлость форм оттеняли и сглаживали нордическую бледность супруга. Над ними частенько подшучивали, мол, господин Стенс жену на пляж отправляет, а сам весь в трудах, весь в трудах... Тем летом трудов хватило им обоим. Двухэтажный дом, счастливыми обладателями которого теперь являлась чета, нуждался в ремонте, хотя бы косметическом – на первое время. Не говоря уже о нехватке мебели и бесконечно уборке. Было много цементной пыли, много пыли от побелки, горы просто пыли, пирамиды кафельной крошки и курганы поломанных табуретов и шкафов. Затем настал сезон неожиданных встреч с плечистыми рабочими-ремонтниками, потайных ловушек на незакрепленных ступеньках, внезапно опрокидывающихся вёдер с водой, чистой и не очень, бесконечных полос обоев и баррелей краски. И наконец, время дизайнерского проекта Дениз по декору... но это Клемент помнил уже смутно.

Возвращение на кафедру после летнего отпуска показалось профессору Стенсу чуть ли не праздником. Знакомые и приятели, спокойный ритм, затихающие к вечеру коридоры, приятные истории о том, кто как провёл лето. И, конечно поздравления от всех кругом в связи с новосельем. Где-то на периферии сознания мелькнула мысль, мол, хорошо, хоть кто-то радуется, и на том спасибо. Он привычно отмахивался от провокационных вопросов о предстоящем пополнении семейства, зато узнал, что один из коллег уволился, получив более выгодное предложение, и с радостью согласился взять дополнительную нагрузку (переезд с последующим ремонтом и особенно дизайном существенно ударили по его материальному благосостоянию).

Он как раз шёл на первую в этом семестре лекцию, на ходу просматривая учебник «Делового Английского», и прикидывая так и эдак, с чего начать, когда его окликнули:

- Здравствуйте, профессор, - это была Флёр. Всё в тех же сапогах, штанах, и с тем же потёртым рюкзаком – только толстовка была другая, по размеру, да и волк на ней выглядел как-то... поизящнее, что ли.

- День добрый, Де Ленисс, - он расплылся в улыбке и протянул ей руку для рукопожатия, как равной.

13

Она было потянулась навстречу, но тут глянцевого учебник, оставшийся в левой руке, выскользнул, звучно хлопнувшись на пол. И профессор и Флёр согнулись с одинаковым рвением кто быстрее? Она успела первой, что и не удивительно: росточком храбрая волчица была совсем чуть-чуть выше локтя господину профессору. На его долю достался вид чуть не подметающих пол распущенных волос и оголившейся шеи, беззащитной и тонкой, но загорелой до крепкого бронзового блеска. В награду за бесстыдный шпионаж, она чуть не снесла ему затылком подбородок, резко разогнувшись.

Стенс едва успел увернуться, и на всякий случай проверил, на месте ли нижняя челюсть, заодно избавляясь от щекотного ощущения едва мазнувших по коже волос.

- Прошу вас, - Флёр победоносно помахала книжкой.

- Благодарю, - он протянул ладонь, и она вложила в неё учебник, на секунду прижавшись всеми своими цепочками. Ощущение было неприятным – жестко и холодно. Опасно.

Вот те раз, подумал Клемент, ну и девушка, возьмёшь такую, пожалуй, за ручку!

- Флёр-ра, - окликнул девчачий голос. То ли Мария, то ли Анна...

- Сейчас иду, - она высвободила руку.

- Хорошо отдохнула летом? – ни с того ни с сего спросил Стенс, любуясь ровным загаром на молодом лице.

- Ещё бы, - улыбнулась она так, что сразу было понятно: дело нечисто. – Много воды, интересные люди, обширная развлекательная программа. А вы?

Девчонку возили к морю, и у неё был бурный курортный роман, решил про себя Клемент прежде чем ответить невпопад.

- Да, спасибо.

Показалось, или губы девушки действительно дрогнули в сторону в усмешке, мол, оно и видно.

- Занятие через две минуты, - напомнил он.

- Без вас не начнут, - нагло парировала Флёра, но тем не менее, развернулась и зашагала к аудитории.

- Вот ещё только не хватало опаздывать, - пробормотал Стенс. Он сказал это для себя, но девушка услышала.

- Профессор не опаздывает, профессор задерживается.

Они вошли в класс один за другим, и на лице у профессора всё ещё играла улыбка. Хотя вряд ли кто-нибудь из оживлённо гомонящих студентов это заметил.

Встреча с друзьями протекала бурно. Они всего пару раз пересеклись за лето: Фил не вылезал из пеших и водных походов, Ганс завёл постоянную подружку, и предпочитал выгуливать её, нежели устраивать дружеские сходки. Разгадка заключалась в том, что Элине было от роду шестнадцать лет, и ничего кроме романтических прогулок в светлое время суток по набережным Гансу пока не светило. За что друзья его беспощадно высмеивали при каждом удобном случае. Хотя Элину любили бесконечно и опекали как могли. Поначалу девчонка робела, особенно Флёр, но потом привыкла и дичиться перестала, научилась даже пить пиво, правда только «Лаффе», потому что оно было сладким, и ребята вовсе укоряли Флёр за то что она развращает им перспективную молодёжь.

Вскоре Элина стала неотъемлемой частью компании. Вот и теперь они сидели вчетвером, выбравшись на природу в симпатичное редколесье. Рядом журчал студенистый ручей, Ганс с подругой сидели на поваленном стволе старой ивы, прижавшись друг к другу, благостно улыбаясь и являя собой картину полнейшей гармонии. Фил сидел на расстеленной куртке напротив, Флёр сидела на широком стволе, упавшем мостиком через ручей, и босыми ногами трогала стылую воду.

- Вылезай, замёрзнешь, - позвал Филипп, призывно похлопывая по куртке рядом с собой.

Природу не обманешь. Чем очевиднее было счастье приятеля с любимой девушкой, тем сильнее его притягивала самая классная, самая весёлая девчонка, которую он только знал. Однако сама она то ли не замечала этого, то ли намеренно игнорировала. Ничего, он подождёт. Он умел быть терпеливым.

Флёр неторопливо встала, побалансировала на бревне, и выбралась на сушу. Взяла бутылку пива, нащарила в кармане зажигалку и примерилась открыть – не получилось.

- Дай сюда, - проворчал Филипп. – Сколько раз показывал, а ты так и не научилась. Смотри! – Одно ловкое движение пальцев и крышка со звонким чпоканьем отправилась в полёт по красивой дуге, затерявшись где-то в кустах.

- Спасибо, - она отпила, и принялась устраиваться в паре шагов, расстелив свою куртку так, чтобы можно было спиной облокотиться на ближайший ствол.

- Ну, как первый день? – поинтересовался Фил, принимаясь набивать короткую вишнёвую трубку. Сигарет он категорически не признавал – милая, очаровательная подробность. Кстати, трубка ему необыкновенно шла. Конечно, не Шерлок Холмс, но вполне уже какой-нибудь пиратский капитан.

- Нормально, - отмахнулась Флёр, - всё те же лица...

Она собиралась поделиться с ребятами новостью о том, что Толсты и Тонкий, видимо забыли страх, сопроводив это намёком, что неплохо бы повторить науку. А ещё, что Надин набивается в подружки, и спросить совета, как бы это повежливее её отставить, потому что доверять ей – не просто глупость, а глупость совершенная. Но тут вставил свои три слова Ганс:

- Точно, этот твой бледный гриб на лицо ничуть не изменился, - хохотнул он.

15

Элина подняла удивлённые глаза, не понимая, о чём идёт речь.

- При чём тут профессор Стенс? – с самым независимым видом поинтересовалась Флёр.

- При том, что я тебя дозваться не мог в коридоре, когда вы с ним миловались.

Конечно, он врал. В лучшем случае, видел издали, и поленился подойти. Однако общее направление его мысли Флёр не понравилось, очень не понравилось.

- Да мы просто поздоровались, - она запила эти слова глотком пива, с опаской поглядывая на Фила, который насупился и молча курил.

- Конечно, конечно. Ничего, теперь это удовольствие светит тебе аж четыре раза в неделю, так что «наздороваться» ещё успеете, радуйся!

- Что ж поделать, если профессор Бернес ушёл?

- А если начнёшь прогуливать, - развил тему Ганс, - он тебе назначит отработку. Паре эдак на восьмой...

- Я по вечерам работаю, - напомнила Флёр, и сделала выпад в ответ, - в отличие от некоторых.

- Я тебя прикрою, - доверительно сообщил Ганс, - а ты тем временем...

- Я лучше прогуливать не буду, - перебила Флёр, опасливо поглядывая на Фила. Потухшая трубка в его зубах курилась остывающим дымком.

А занятия по языку и вправду шли четыре раза в неделю. Клемент настолько привык уже к вдумчивому вниманию и умным вопросам, которыми обогащала его занятия Флёр, что остальные потоки студентов, пусть даже постарше и уровнем повыше, оставляли его равнодушным. Не дотягивали, не отдавали его предмету душу. Прошло ещё немного времени, и он стал к этому равнодушен.

Волчица научилась не выделяться. Точка невозврата была

пройдена. Она настолько обогнала сверстников, что не было нужды проверять, знает она правильный ответ, или нет. Задавая вопрос, Стенс первым делом кидал взгляд на неё. Она поднимала глаза, иногда чуть запаздывала, аккуратно дописывая пояснения в тетрадь, но неизменно – карие, глубокие глаза, озарённые умом, благословенные извечной мудростью. Знаю, мол. Она даже не поднимала руку. И профессор Стенс повально расстреливал вопросами группу (ныне А-3, ибо ребята перешли уже на третий курс), только в самых безвыходных ситуациях обращаясь к ней:

- Де Ленисс, ответьте.

И она отвечала. Иногда ей становилось скучно. Прохаживаясь по аудитории между рядами парт, Стенс не раз и не два видел на тетрадных листках, прямо посреди записей конспекта, причудливых птиц и зверей, изображенных шариковой ручкой, бесконечные гирлянды ползучих растений... как-то ему показалось, что он увидел контуры двух обнаженных тел, сплетающихся в страстных объятьях, но рассмотреть не успел, Флёр перевернула страницу.

Однажды, симпатичным светлым утром в понедельник в самом начале октября, им был уготован неприятный сюрприз. Лишь сделав шаг в аудиторию, и профессор и студенты оказались... по щиколотку в воде – тёплой и пахнущей канализацией. В институте прорвало трубы. Капитально, сразу в нескольких местах.

Скачано с сайта knigomania.org

Занятия были сорваны, студенты возликовали и разбежались, преподавательский состав до начала второй пары носился с тряпками и ведрами до приезда техников, а потом ещё часа четыре после, пока выискивали и наскоро заделывали прорехи отслужившего своё стояка.

Было понятно, что декан получит по шее (Стенс ощутил мелочное удовольствие от осознания этого факта, но нарадоваться не успел – снова побежал, держа по полному ведру в каждой руке – выливать под каштаны на улицу). Декан, ясное дело, носился по этажам, ругался и злобствовал, сея панику в рядах и представляя собой яркую иллюстрацию к несуществующему «отрицательному коэффициенту полезного действия».

Трубы залатали, но декан, узрев смету предстоящего косметического ремонта и спинным мозгом предчувствуя разнос от начальства и инспекции, назначил отработку часов на субботу. По всему институту развесили объявления с сей благостной вестью. Часть из них уже в среду видели в урнах туалетов, скажем так, в соответствующем виде.

Клемент не то что предчувствовал, твёрдо знал, что ничем хорошим эта затея увенчаться не может. Однако приказ есть приказ, к девяти утра в субботу он был на рабочем месте.

Аудитория была пуста. Так он и думал – коллективная забастовка. Ну что ж, он своё дело сделал, посидит над утренней прессой минут двадцать, и можно считать, что рабочий день прожит.

Дверь отворилась, скрипнув. Стенс вскинулся, словно это преступление – полистать газету, пока студенты не пришли.

На пороге стояла Флёр. В извечной чёрной куртке и свитере с волком на груди.

- Извините за опоздание, профессор.

Вид пустой аудитории её ничуть не смутил.

- Да я сам чуть не опоздал, в субботу пробки, - пытаюсь

сориентироваться, отозвался Клемент.

Она прошла в класс и села на своё обычное место. Не ближе и не дальше. Вторая парта, у стены. Он ждал. Флёр сняла куртку, повесила на спинку стула (он заметил, что эти ребята имеют дурную привычку куртки повсюду таскать с собой, и не лень же им!). Достала тетрадку, учебник и ручку. Разложила перед собой и подняла взгляд на доску. Не обнаружив там ничего интересного, переключилась на него.

Надо было что-то делать, а Стенс не знал, что. Начинать урок? Так она всё знает! И он знает, что она знает. И хуже всего, что она знает, что он знает, что она знает! Опять пригласить на кофе? Отговориться малочисленностью собрания?

- Эй, Волч, ну скоро ты там? – ответ пришёл, откуда профессор не ждал: в окно аудитории, располагавшейся на первом этаже, прилетел ссохшийся, невесть как пропущенный дворниками, каштан.

Флёр недовольно скосила глаза и прижала палец к сжатым губам: тихо, мол. Профессор поднялся и не торопясь подошёл к окну. Приятели в чёрных, как и у Флёр, куртках были тут как тут. Про себя он назвал их «Длинный и Широкий». В отличие от Тонкого и Толстого, это были ребята более-менее положительные, несмотря на угрожающую внешность - по крайней мере, как он успел заметить.

Стенс распахнул окно.

- Что, ребят, собрались куда-то? «Святая троица». Пиво пить, небось? – весело выкрикнул он с невесть откуда взявшимся подростковым, даже мальчишеским задором.

Ребята немного обалдели.

- Ну... вообще-то, да, - подала голос Флёр. Клемент глянул на неё. Вот она, живая непосредственность. Надо было прийти на урок? Я пришла. Надо проводить лекцию? Нет. Вы это знаете, я это знаю. Правдиво и просто. Офигеешь с такими «детками»!

- А пойдёмте с нами, профессор? – гаркнул в ответ Длинный, и за его плечо, робко ойкнув, нырнула какая-то воздушная тень.

Предложение было, мягко сказать, неожиданным. И он глянул на Волчицу, ища ответа, едва ли не поддержки.

Флёр улыбалась. Ободряюще и одновременно извиняясь за назойливость своих товарищей.

- У меня тут лекция, между прочим, - звонко крикнула она в окно, не сводя глаз с профессора.

Позже Клемент пришёл к выводу, что в этот момент думать перестал.

Симпатичный парк был почти пуст. Летом тут наверняка былолюдно, однако стылый октябрьский ветерок загнал детишек и их благовоспитанных родительниц в стильных шляпках на детские площадки, надёжно защищенные он сквозняков стенами ближайших домов. Скучающие лотошники провожали взглядом их колоритную группу. Справа широко шагал Длинный Ганс, за его локоть цеплялась трогательная девчушка Элина, в такой же, как у старших куртке поверх светлых джинсов и васильковой рубашки она смотрелась совершенно уморительно. Слева позвякивала цепочками Флёр, и бок о бок с ней шагал насупленный, как медведь Широкий – как оказалось, его звали Филипп. Клемент в пиджаке из светло-коричневой замши шёл посередине, и казался самому себе выходцем из иного мира. Что он тут делает, что вообще приличный человек, преподаватель, мог забыть в такой сомнительной компании? Ведь наверняка же сейчас детей сызмальства учат, мол, не суйтесь к этим патлатым с цепями – это раздолбаи, это дебоширы, это сатанисты,

страх и ужас, и вообще, бегите лучше в другую сторону!

Впрочем, ощущение чуждости довольно быстро отступало. Ребята вели себя непринужденно, шутили, смеялись; Клемент помимо воли то и дело втягивался в разговор, пару раз даже принимался что-то рассказывать. В отличие от него самого, ребята, кажется, вообще не видели между ним и собой никакой разницы. Они позвали его с собой, они приняли его как равного, они согласились считать его «своим» - пусть только на время короткой прогулки, и всё же... Кажется именно во время этого разговора кто-то упомянул, что Флёр всё лето работала экскурсоводом на речном катерке, катающем туристов – вот откуда такой крепкий загар, вот тебе и курортные романы...

- Два тёмных «Гиннеса», - обратился Фил к лотошнику, торговавшему пивом, - а ты что будешь? – он обернулся только слегка, и конечно, вопрос адресован был Флёр, а Клемент сходу не разобрался...

- «Лаффе», - со смехом в голосе ответила Флёр, предвкушая очередную порцию издевательств над любимым напитком.

- «Лаффе», - пожал плечами Клемент, который категорически не любил тёмное пиво.

Два ответа прозвучали одновременно, как хорошо отрепетированный дуэт.

Они посмотрели друг на друга. На секунду Клементу показалось, что он видит её впервые... нет, смеет смотреть на неё впервые, первый раз нет барьера, какой-то непреодолимой грани отчуждения. Может, она не была красива, как красотки с обложек глянцеви́тых журналов, но исключительно мила. Кожа ещё не до конца растеряла летний загар, на носу еле-заметно угадываются веснушки, глаза, отражая осеннее солнце, стали цвета отполированного орехового дерева, губы красиво очерченные, породистые, никакой помады не надо... Флёр засмеялась, и Клемент хотел засмеяться тоже, но вдруг обнаружил, что Филипп наконец обернулся, и в упор смотрит на него. Взгляд был тяжелый, оценивающий, не предвещавший совершенно ничего хорошего.

- Пожалуйста, - продавец протягивал уже две банки тёмного, Фил отвернулся, полез в карман за деньгами - и наваждение сгинуло.

- Я угощаю, - поспешно внёс конструктивное предложение Клемент, и обратился в сторону более общительного Ганса, - а юной леди?

- А юной леди колу, - ответил Ганс вместо зардевшейся как маков цвет Элины. А то мама заругает.

Они обосновались в уличном кафе: заведение давно было закрыто, а столики ещё не убрали на зиму. Было непривычно и здорово оказаться вдруг в совершенно новых обстоятельствах, в новом антураже, в новом мире. Разве это он – сидит на улице и собирается пить пиво – из горла!? И разве сейчас это так уж важно? Кто бы мог подумать, что осенний парк – это так здорово, что пустынные аллеи, обрамлённые уже почти облетевшими деревьями так красивы?

- Давайте открою, - Клемент даже вздрогнул, оборачиваясь на голос. Флёр протягивала руку к его бутылке. Как оказалось, ребята времени даром не теряли - ждали только его.

Не то чтобы он согласился, скорее она сама ловким движением выхватила бутылку, зажала что-то в правой руке и – хоп! – пиво открыто, пробка лежит на столе. Она протянула бутылку ему.

- Как ты её открыла? – глупо спросил Клемент.

- Зажигалкой, - похвасталась Флёр, - меня Фил научил.

Клемент бросил опасливый взгляд на Филиппа. Тот на него не смотрел, он перещёлкивал одну за другой мелодии в плеере, который слушал одним ухом – другой гвоздик наушника болтался на груди.

- Давайте за встречу, - предложил Ганс. Это был хороший тост, они выпили.

Ганс закурил, и протянул Клементу открытую пачку:

- Будешь?

- Спасибо, - вообще-то курить не хотелось, тем более ширпотреб, который наверняка употребляет молодёжь, но для поддержания компанейского духа...

Филипп поддерживая общую тенденцию, принялся набивать трубку. Закурила и Флёр – ментоловый дым защекотал ноздри.

- Ты куришь? – изумился Клемент, как-то не представлявший её с сигаретой.

- Вы тоже, - урезонила девушка, поднося ему зажигалку.

Кстати, сигареты у разгильдяя Ганса оказались очень даже ничего – довольно крепкие, с отчётливым привкусом вишни.

19

- Давно хотел спросить, - Клемент посмотрел на Фила, специально намереваясь втянуть в нейтральный, безопасный разговор замкнувшегося товарища, - а что обозначают ваши куртки?

- Куртки? – вопрос застал Фила врасплох настолько, что она даже хмуриться позабыл.

- Ну да. Почему они одинаковые, почему обязательно чёрные?

- Это не куртки, это косухи, - хихикнула Флёр.

- Что, это какой-то признак братства? Почему вы их носите? – допытывался Клемент.

- Да потому что нравится. Удобно, - отозвался Фил.

- Ну, да. Летом не жарко, зимой не холодно, - поддержал Ганс, - не продувает ветер, дождь не мочит. А чёрные, потому что других не делают.

- Коричневые ещё бывают, - подала голос Флёр, которая явно была в курсе данной животрепещущей темы.

- Но это слишком круто, - веско сказал Фил.

- И слишком дорого, - усмехнулся Ганс.

- А мне вообще кажется, не красиво, - высказалась Флёр.

Спустя ещё час и две бутылки пива на каждого (даже Элина отважилась на пару глотков), компания засобиралась по домам. Элине пора было на какие-то курсы, Ганс, разумеется, вызвался проводить её к метро.

- Мне тоже пора, - сказал Клемент. – Ничего не скажешь, хорошо я лекцию сегодня отчитал.

- А вам не понравилось? – невинно поинтересовалась Флёр. – Если что, я всем скажу, что вы там были.

- Вот спасибо!

Они подошли к метро, Ганс, игнорируя смешки, взял Элину за тонкую талию, легко приподнял, и поставив на бордюр, поцеловал.

Не сделай он этого, ему бы, пожалуй, пришлось согнуться пополам.

- Спасибо за день, ребята, пока, - Клемент помахал рукой, и не вытерпел – всё-таки задержал взгляд на Флёр. Она смотрела на него, и отчего-то показалось, что в карих глазах плещется непонятная, необъяснимая грусть. Но она больше ничего не сказала.

- Хорошо. Ты посидел, пообщался со студентами. И что в этом страшного?

- Ты что, не понимаешь, я прогулял свою же лекцию – в парке с компанией бунтующей молодёжи.

- Что тебе, индульгенцию выписать?

- Ты когда-нибудь прогуливал собственные пары?!

- Нет. И пиво на скамейке тоже не пил, цивилизованно ходил в кафе. Чем это закончилось, ты сам знаешь.

Глава 4. Авария

...Смысл сказанного даже не сразу до меня дошёл. На какое-то время я, кажется, перестал дышать.

К понедельнику профессор Стенс успел убедить себя, что ничего страшного не произошло. Дениз была недовольна, но он удачно наврал, что был с коллегами в спорт-баре, украсив рассказ возмущением по поводу студентов, бессовестно прогуливающих отработку целыми группами. В воскресенье он уже и сам негодовал, готовый пылать пламенным гневом в адрес безответственных недорослей и продумывая план расплаты. У него заготовлена была серьёзная контрольная по пройденному материалу. Обычно он предупреждал о проверках, отчего бы в этот раз не сделать исключение? Пусть помучаются, пусть помянутся, вздрогнут хоть разок, и поработают без шпаргалок... Стенс уже прямо предчувствовал, предвкушал недовольный ропот, возмущённый гомон и громкое, в полный голос нытьё Надин «Контрооольная? В понедельник?! Профессор Сте-енс, ну вы издеваетесь что ли?!» Чтоб можно было прикрикнуть, и высказать им всё, что думает о бездельниках и лодырях... ну, или почти всё. И только Флёр на своей второй парте молча возьмёт листы и не дожидаясь окончания ропота, начнёт аккуратным почерком заполнять работу – наперегонки сама с собой.

Всё было почти так, как он рассчитывал, за одним маленьким исключением. Вторая парта у стены оказалась пуста. Флёр не пришла на занятия.

- Где Де Ленисс? – хмуро сдвинув брови и старательно делая вид, что сердится, спросил он у Марии и Анны, скучившихся за партой и не знающих, что делать, когда списывать не у кого.

- Не знаю, - сложенный скулёж на два голоса был ему ответом.

Профессор сидел и тупо ждал. Вот сейчас откроется дверь, и она войдёт, извинится за опоздание, и окажется, что на дороге пробки, или в метро авария, или ещё какой-нибудь пустяк, всё же бывает...

От Тонкого и Толстого несло перегаром и вчерашней травкой. Обоих мутило, затянутые красной сеточкой сосудов запавшие глаза их не выражали ничего, только равнодушие и бесконечную тоску по опохмелу. До окончания пары было ещё десять минут, когда Стенс не вытерпел – скомандовал сдать работы, распустил студентов и открыл окно – проветрить класс. Флёр так и не появилась.

Занятия четыре раза в неделю: грамматика по понедельникам и четвергам, деловой английский во вторник и в пятницу, ох, как тяжело давалась в пятницу эта пара усталым мозгам студентов и усталому профессору тоже. Среда – благословенный перерыв, отдых от туповатой группы, хоть и значительно подтянувшейся, но всё равно нелюбимой.

Флёр не было и во вторник. Наверное, девочка заболела. Правильно, дожди их не мочат, ветер не продувает, но холодное пиво на природе в октябре, не иначе, давало себя знать. Стенс было решил спросить на кафедре, но передумал. Дойдёт до декана, и будут выяснения – рассказывай потом, что даже с двумя пропусками подряд, у местной бунтарши посещаемость лучше, чем у умника Дэна...

В среду он придумал, кажется, единственный вариант – самый простой и надёжный. Раз уж не в курсе её подруги, стало быть, надо спросить у друзей. Где там эта развесёлая команда?

- Ну-ка, двое из ларца, одинаковых с косях, - не в склад ни в лад приговаривал он, оглядывая холл в поисках знакомых чёрных курток. Не повезло, никто из ребят на глаза ему не попался.

Скачано с сайта knigomania.org

Может, и к лучшему, конечно. Парни один раз пригласили его попить пива, это не значит, что они записали его в приятели. И ещё кто знает, как отреагируют на вопрос об их боевой подруге. Может после совместной прогулки этот шкафоподобный Фил возревновал, изъяснился наконец девушке в тонких чувствах, и два дня уже не выпускает из постели. Могло же быть такое? Да, могло. И что сделает Фил, если некий профессор начнёт интересоваться местоположением теперь уже его девушки? Правильно, даст профессору в зубы. Разок. А с его кулачищами больше и не потребуется.

Мысль была разумная. И тем не менее, наткнувшись на Ганса и Фила прямо у входа в четверг, профессор не выдержал.

- Ребята, можно вас на минутку?

Они и так стояли несколько в стороне от общей разномастной кучки, докуривающих перед входом в храм знаний студентов, однако кивнули, как показалось Стенсу, довольно равнодушно, и отошли ещё на несколько шагов.

- Ганс, Филипп, - профессор Стенс, не чинясь, первым протянул руку для приветствия. Ганс легко её пожал. Филипп помешкал, но ровно столько, чтобы это нельзя было счесть невежливым.

- Вот как надо, - он протянул ладонь чуть дальше, так чтобы сцепились большие пальцы, и сжал кулак. Стенс рефлекторно проделал то же самое. Фил на этом не остановился, высвободил руку и легонько стукнул его кулаком в предплечье. Пришлось повторить и это. – Вот так,- чуть ли не покровительственно буркнул он.

- Я понял, - совершенно серьёзно отозвался профессор.

- Какие проблемы? – спросил Длинный настолько запросто и панибратски, что профессор ощутил неловкость. Одно дело вместе прогулять пару. Это был всего лишь эпизод, шутка... и вот уже эти ребята учат его своему фирменному приветствию, и называют на «ты», всё это прямо на институтском дворе. Есть же в конце концов, элементарные, общечеловеческие нормы приличия, субординация,

наконец... Стенс ещё раз окинул взглядом одинаковые чёрные куртки. Да уж, эти ребята, о субординации видимо, знать не знали, а что до норм общечеловеческих – тут у них и вовсе, наверное, какой-нибудь свой кодекс чести... Он так смутился, что чуть не забыл, зачем подошёл.

- Тут такое дело... скажите-ка мне, - преувеличенно легкомысленно начал он, - вы случайно не в курсе, где наша Волчица?

Парни как-то странно замолчали.

- Где Флёр? – повторил профессор, уже понимая: что-то случилось.

... Элина послушно спустилась в метро, ушёл, помахав на прощание, Клемент, очевидно замёрзший в ледышку в тонком замшевом пиджаке на ветру. Флёр, Ганс и Филипп остались втроём.

- Ну что, ещё по одной? – предложил Ганс.

- У меня ещё есть, - Флёр демонстративно поболтала остатками выдохшегося «Лаффе» в бутылке. Она тоже замёрзла, ей хотелось домой. Вот посидит с ребятами немного и тоже пойдёт.

Они вернулись на облюбованное место, парни открыли свежие банки тёмного, Флёр нахохлилась и посмотрела на пустующий стул, где раньше сидел профессор. Интересный он всё-таки. Строгий-строгий, а вдруг оказывается, ещё и компанейский...

- Уже скучаешь? – немедленно начал Ганс.

- Да брось, - Флёр не сообразила, как бы отшутиться.

- И даже не поцеловал на прощание, - продолжал зубоскалить приятель.

- Зато уж как ты Элину целуешь, мы все видели. А что ты делаешь, если рядом бордюра нет?

- А, ну если вопрос в том, кто что видел, так мы бы отвернулись... правда, Фил?

Это было зря. Филипп вскинулся, поднял на него хмурые глаза и пробасил:

- Ты что, и правда думаешь, что это смешно?

- Ребята, перестаньте, - рыкнула Волчица, стараясь изобразить

командный голос. Обычно парни слушались беспрекословно. Это было удивительно сладкое ощущение, как будто рядом с тобой два дрессированных тигра.

22

- Что смешно? – вскинул бровь Ганс. Прядка волос живописно перечёркивала его лоб.
- Какого хрена было тащить его с собой?
- А что человеку в выходной день одному бездельем мучиться? Да и Волча наша без него никуда бы не пошла; так и воландались бы, пока эти голубки друг на друга не насмотрятся. И добро бы хоть какой-то толк с этого был...
- Мы не голубки, и друг на друга не смотрим, - начала закипать Флёр.
- Ну да, и сладкую бурду одинаковую не пьёте, и вообще вам с ним совершенно нечего делать.
- Нам с ним есть, что делать: он преподаёт, я слушаю и запоминаю.
- Вот! – наставительно поднял палец Ганс. – Учить вас ещё и учить... Эх, придётся мне с этим товарищем пообщаться, объяснить ему, как девушек развлекать надо.
- А ну заткнись! – рыкнул Фил. – Ты действительно такой дурак, или прикидываешься? На самом деле не понимаешь?
- Что тут понимать? Подумаешь, великое дело, работает мужик преподам. Ну не киллером же – и то слава богам.
- Да какая хрен разница, кем он работает?
- А вот девушку нашу, по-моему, смущает этот факт.
- Ребята, ну перестаньте же, - «волчица» испарилась без следа, Флёр проговорила это почти жалобно.
- И правильно смущает. А тебя не смущает, что мужику под сороковник?
- Ну и что? – опешил Ганс.
- А то, - Фил выразительно на него смотрел, но намёков Ганс упорно не понимал, или делал вид, что не понимает. – Не верю я в любовь, когда у человека седина в бороду, бес в... ребро, - он явно хотел сказать что-то совсем другое.

- Не лезь ты, умник, сами разберутся.
- Он-то конечно разберётся!
- А она что, дура что ли набитая? Нет? Вот и не мешай!
- Знаешь, тебе-то всё равно, а представь, если бы твою Элину...
- Мою Элину ты не трожь! И вообще брось дурную привычку лезть не в своё дело, и мешать хорошим людям радоваться жизни. Сам не умеешь, так хоть других оставь в покое!

Флёр с испугом, смешанным с отстранённым удивлением наблюдала за ссорой. Они были знакомы давно, она не раз видела ребят пьяными, но ни разу ещё они не устраивали такой ругани. Кому другому набить лицо – это да, бывало. Но тут того гляди они друг другу в глотки вцепятся.

Она не думала. Поступила, как подсказывала врождённая женская мудрость, или инстинкт. Флёр тихо встала, повернулась к друзьям спиной, и пошла прочь, не прощаясь и не оглядываясь.

Пусть хоть поубивают друг друга, нашли тоже из-за чего. И ведь разгорелось всё из-за шутки. Они нередко обсуждали самые личные вопросы. Фил как-то просил выяснить, есть ли парень у кого-то из её знакомых девчонок. А пару недель назад Ганс, отчаянно смущаясь и покраснев, как краснеют герои в мультиках – снизу вверх, от шеи до ушей, и спросил о том, как девушки переживают первый раз. И что можно сделать, чтобы минимизировать, так сказать, негативные стороны. Волчица фыркнула, с трудом сдерживаясь чтобы не заржать, и понесла офигительную ахинею о том, что первый раз запоминается навсегда и всю жизнь будет на подсознательном уровне ассоциироваться с болью, кровью и страданиями, а мужика, который ЭТО сделал девушки вообще обычно ненавидят до конца дней... собственно, закончить мысль она не успела, посмотрев на жалкий вид приятеля. Из густо-красного он сделался бурым с бледными, как у мухомора пятнами, и Флёр, устыдившись своей глупой шутки, принялась выкладывать всё, что знала о тонком вопросе «первого раза», и делиться собственными соображениями по этой животрепещущей теме.

На прошлой неделе Элине исполнилось семнадцать лет. На следующий день после этого выдающегося события Ганс пришёл в институт, светясь, как хорошо отполированный медный пятак. Естественно Фил вместе с Флёр проходу ему не давали, и предлагали скушать лимончик, чтобы рожа так не сияла. Кончилось тем, что лимон они ему купили, а Ганс достал перочинный нож, аккуратно нарезал лимон кружочками и съел. Без сахара и без соли, не торопясь и не поморщившись.

Ясное дело, что счастливый человек хотел поделиться кусочком счастья со всеми кругом, с приятелями в первую очередь. Так отчего же именно сейчас два лучших друга чуть не схватили друг друга за глотки? Так. С чего всё началось? С того что Ганс предположил, что она скучает по профессору. А она что ответила? М-да, могла бы и поостроумнее что-нибудь придумать. Вот обратила бы дело в шутку, и никакой ссоры бы и не вышло. А о чём ты, подруга, думала, если даже достойный ответ сообразить не сумела? Правильно, о нём и думала. Суровый он, дескать, только напоказ, ну так с нашими лодырями по-другому и нельзя. А как смешно он выбирался из института – через задний двор, сквозь дыру в заборе, чуть не похоронив на нём свой фирменный пиджак. Рассказать кому – упишутся от восторга. Она, конечно, не расскажет, а то пойдут гулять слухи, да и незачем портить человеку репутацию. Кстати, как оказалось, он замечательно травит байки. Ребята конечно ему по большей части рта раскрыть не давали, но всё что он рассказывал было занятно, и даже смешно. Кстати, смеётся он заразительно, как мальчишка. Тяжело наверное такому человеку ходить всегда с серьёзной миной. И ещё руки – потрясающе красивые у него руки. Крупные кисти, длинные пальцы, обручальное кольцо тоненькое, не сразу и заметишь.

Стоп, подруга, ты думай давай о том, чего ребята не поделили. Итак, Ганс пошутил, мол, она к профессору равнодушна. Она расслабилась от пива и общей благости выходного дня, и слабовато ответила. Неугомонный Ганс начал ржать, ну, правильно, он вообще весельчак, типичный шут. И тут Фила понесло, дескать, это не смешно. Не то чтобы не смешно, конечно, так себе шутка, не первый

сорт, но не настолько, чтобы из-за неё кипятиться. Или он... правда решил что это так? Да что ж она, профессору будет строить глазки? И ребята в это поверили? Во дают, фокусники! Надо бы высказать им по этому поводу... А даже если и так. Почему над младшекурсниками шефство брать можно, как ребята в своё время и сделали, начав ненавязчиво опекать её саму, а над профессором нельзя? Ему тяжело, небось, терпеть всех обормотов кругом. Тупые серые мыши, которым прямой путь в домохозяйки, этот пьяный на занятия припрётся, тот укуренный, этот вечный двоечник, и только понты кидает, что у него папа дипломат. Думает, что зачёт автоматом за это получит, как же. А профессор терпит – и этих терпит, и тех... да и ты, подруга, со своими приятелями, тоже, если посудить, не фунт сахара. А он приходит всегда вовремя, читает материал, на вопросы отвечает, и ведь иногда видно, что всё это его кромешно достало, но он и виду не подаст. Некоторые как делают? Пришли – отилчно. Учебники открыли – упражнения от сих до сих, приду - проверю, и идут в нарды резаться. Уважать надо тех, кто для тебя старается. Снимать что ли цепи перед его лекциями, чтоб не звякали? Нет, заметят, вопросов не оберёшься. Или курсовую хорошую сделать? Преподам вроде за это доплачивают...

Так, подруга, ты о чём вообще сейчас? Выходит, прав Ганс? Ладно, с глаз долой, из сердца вон, и вообще домой надо, работу доделывать. Профессор небось, давно уже дома. Между прочим, с женой. А интересно, какая она? Почему-то жена профессора совершенно не представлялась. Флёр попробовала мысленно нарисовать семейное фото: высокий, светловолосый до бледности мужчина заботливо обнимает... рыжеволосую решительную амазонку? Нет. Смуглянку с ленивыми томными глазами и копной смоляных кудрей? Пожалуй, тоже не то. Представлялась только рука, лежавшая на женском плече, лёгким касанием накрывавшая его целиком. Надёжная, сильная, уверенная рука...

Визг тормозов смешался с гудком автомобильного клаксона. Флёр вскинула голову – и тут же полетела куда-то в сторону, в сторону, вниз, в темноту.

- Видишь, что ты наделал? – когда молчание, повисшее с момента ухода Волчицы, затянулось.

- Это я наделал? Это ты наделал! Зачем ты его с собой потащил?!

- А ты что изревновался весь? У самого большие планы?

Филипп помолчал. На скулах у него ходили желваки. Это был опасный признак. Ганс отступил на полшага, готовясь в случае чего закрываться от удара.

- Сам знаешь, - буркнул наконец Фил, и замолчал ещё сердитее.

- Так не планы тогда надо строить, а делай уже что-нибудь, дурья твоя башка!

Эту тему они уже проходили. И Фил давно исчерпал аргументы. Действовать нагло и снахрапу он не решался, долгих проникновенных бесед с намёками вести не умел, и честно говоря, думал, что и так всё понятно. А вот природу Клемента он решительно не понимал. Со стороны видно было, что профессор выделяет сообразительную студентку. Да и немудрено – Флёр по многим предметам хоть сейчас могла обставить и старшекурсников. Но вот её отношение к нему? Неужели и вправду, действительно Волчица запала на этого старого белобрысого козла?

- Ладно, пойдём, - махнул он рукой.

- Эх ты, дружище, - сочувственно сказал Ганс.

Они пару раз шутливо ткнули друг друга кулаками в плечо, выкинули опустевшие банки и пошли к метро.

- Чего это там? – встрепенулся Ганс, глядя на толпу, которую Фил вознамерился просто обойти.

Фил оторвался от созерцания асфальта, осмотрелся, и вдруг сделался белым, как мел.

- Где Флёр? – повторил профессор. Он выглядел обеспокоенным, нервным. Кажется, он действительно волновался.

Ганс и Фил переглянулись.

- Она в больнице, - ответил, наконец, Ганс. – В субботу днём её сбила машина.

Смысл сказанного даже дошёл до него не сразу. На какое-то время Клемент, кажется, перестал дышать. Он в неверии посмотрел на ребят. Перевёл взгляд с Ганса на Фила. Вот они, здоровые, сильные, молодые, широкоплечие и надёжные. Казалось бы, уж с ними-то что может грозить хоть кому-нибудь?

Фил встретил профессорский взгляд, не дрогнув. Мол, да, виноват, а ты бы что, справился лучше?

- Эх вы, воины, - выдохнул профессор, - не уберегли!

Только стоя у дверей больничной палаты, Клемент задумался, а уместен ли вообще его визит? Рука зависла в воздухе, когда он совсем было уже собрался постучать в дверь палаты, номер которой ему назвали в регистратуре. В самом деле, вот зачем он сюда пришёл? Ради успокоения совести: посмотреть, что со студенткой действительно всё в порядке, как утверждают её приятели? Или убедиться, что она не станет болтать, в чьей компании прогуливала субботнюю отработку? Матёрый ты всё-таки эгоист, товарищ профессор. За ней и без него присмотрят: небось родители день и ночь вахту несут; а если на них нарвёшься – что делать, что говорить?

Профессор усмехнулся: надо же, до чего дошло. Родителей уже боишься, уважаемый профессор...

- Да ну, в самом деле, - Клемент отмахнулся от собственной дурной нерешительности и постучал в дверь. Пришёл и пришёл, что теперь стоять в коридоре и передумывать мысли, которые обычно приходят в голову семнадцатилетним недорослям.

- Войдите, - отозвался весёлый девичий голосок.

Клемент открыл дверь. Палата была просторная, на пятерых, но заняты, судя по всему, были только три койки. На одной из них лежала, горестно вытянув загипсованную ногу на растяжку, молодая дама лет тридцати с небольшим, рядом с ней стояла в больничной пижаме и тапочках с розовыми помпонами девчонка с копной ярко-рыжих кудряшек, правая рука у неё была в гипсе. Левой она пыталась поудобнее устроить даму на подушках. Судя по всему, вошедший Клемент прервал чей-то увлекательный рассказ, над которым обе пациентки знатно хихикали. Не иначе сплетничали. Ох, женщины! Больше в палате не было ни души, где-то у дальней стены бормотал телевизор.

- Добрый день, - расплылся он в улыбке, - милые дамы, вы не подскажете, где Флёр Де Ленисс?

- Покурить вышла, - отозвалась рыженькая.

- Сейчас вернётся, - поддержала дама с ногой, - да вы пока присядьте, возьмите вон стульчик. Может быть, хотите чаю?

- Нет-нет, спасибо, - отказался Клемент, прикидывая, кто вообще тут заваривает чай? Наверное, рыженькая – конечно, одной рукой, зато хоть ходить нормально может.

Между тем дверь снова отворилась. То есть сначала приоткрылась на небольшую щёлку, и снова закрылась. Потом вдруг рывком распахнулась в полную ширину, и, опираясь на костыль, с комментарием: «Чёртова палка, мешает!» в палату вошла Волчица – в такой же светлой пижаме, как и остальные постоялицы и... с неизменным комплектом колец и цепей на руках.

- Флёр, а тут к тебе пришли! – поспешила обрадовать рыженькая, пока Флёр неловко разворачивалась, чтобы прикрыть за собой дверь.

- Ещё один жених, - подала лукавый голос дама с ногой.
- Надо же, и откуда бы ему взяться? – она переставила костыль, наконец развернулась, и...

Клемент едва успел рвануться вперёд, чтобы подхватить начавшую заваливаться девушку. Костыль звучно брякнулся на пол.

- Профессор Стенс, - изумлённо и смущённо промямлила Флёр, стараясь принять более устойчивое положение. Падая, она рефлекторно вцепилась подоспевшему профессору в плечи, и теперь одной рукой нашарила позади спинку кровати, ухватилась покрепче, и отпустила вторую.

Клемент критически оглядел результат её усилий, и всё-таки рискнул ослабить судорожную хватку которой он в неё вцепился, поймав. Что ж, Волчица вполне достойно держалась на ногах... на ноге. Левую, с закатанной выше колена штаниной, она держала на весу: гипса не было, только плотная повязка от ступни до середины икры, из-под которой расползлся роскошный чёрно-фиолетовый синяк.

- Здравствуйте, профессор, - реабилитировалась Волчица, - если вам не трудно, подайте, пожалуйста, вон ту палочку.

Скачано с сайта knigomania.org

Клемент от облегчения рассмеялся – кажется, с ней действительно всё было в порядке, ну почти – поднял костыль, протянул ей. Флёр вцепилась в него уверенно и крепко, и Клемент сделал то, на что ни при каких обстоятельствах ранее не осмелился бы. Пальцами провёл по цепочкам, ограждавшим её руку от внешнего мира, коснулся мягкой кожи. Ощущение тепла под остерегающим колючим холодом принесло приятное удовлетворение.

- А я думал, хоть в больнице с тебя их снимут!

- Размечтались, - фыркнула Волчица, - с руками-то у меня всё в порядке, так с чего бы?

- Ну, чтобы соответствовать местной эстетике, например, - предположил Клемент, не особо вдумываясь в смысл диалога (Рыженькая девочка и лежащая дама тихонечко захихикали). Было просто хорошо видеть её рядом, знать, что она жива, неукротима и бесстрашна, как и в тот первый день, когда она шагнула в аудиторию, и весь урок в одиночку отбивалась от обидных насмешек сотоварищей по группе.

- Где это я ей, интересно, соответствовала? – парировала Флёр.

- Давай, помогу сесть, - предложил он, указывая на кровать.

- Ну уж нет, пойдёмте лучше погуляем! – заявила девушка, тоже прислушиваясь к неудержимому сдавленному хихиканью товаров по палате. Похоже, им сегодня будет, что обсудить... ну и ладно.

- А ты осилишь? – с сомнением спросил Клемент.

- Спрашиваете!

В коридоре было светло и пустынно, Флёр бодро поковыляла вдоль окон, выходявших на дворик с чахнувшими клумбами. Иногда она останавливалась возле широкого подоконника – передохнуть.

- И как же тебя угораздило? – спросил Клемент. Он шагнул рядом, и испытывал непреодолимое желание отшвырнуть костыль и взять девушку под руку. Ведь настолько было бы проще и естественнее,

нежели ему, здоровому и крепкому, шагать рядом с отчаянно бодрящейся и столь же успешно хромающей девушкой.

- Задумалась, - пожала плечами Флёр, - а тут авария на шоссе, ну, меня и зацепило. Меньше надо ворон считать.

- Это серьёзно? – он кивнул на чёрно-синюю ногу.

- Не очень. Надрыв связок, только и всего. Меня потому тут и морили так долго, не верили, что я так легко отделалась.

- Больно? – он попробовал посочувствовать.

- Нет, - легкомысленно отозвалась она, и стало понятно, что ей действительно не слишком больно. Флёр сделала ещё пару шагов и добавила, - если ногой не двигать.

- Хорошенькое дельце, - усмехнулся невесело Клемент. – И долго тебе ещё ей «не двигать»?

- Сегодня анализы пришли, всё в норме. Завтра утром врач подпишет – и пойду себе домой.

Флёр улыбалась, ей явно не терпелось отсюда смыться, и Клемент её, в сущности, отлично понимал. Но что-то в её словах всё-таки его смущало.

- Подожди, то есть как «пойдёшь домой»?

- Фиксатор жесткий надену и пойду, - терпеливо объяснила Флёр, - ребята мне вчера привезли. Дорогой, небось, как сволочь, да ещё и по всему городу наверное искали на мой размер.

- За тобой кто-нибудь приедет на машине?

- Нет, - в легкомысленном тоне что-то звенело неприятным холодом, тонкой сталью.

- Тогда может, возьмёшь такси?
- Может, и возьму, - примирительно кивнула она.
- Знаешь, что, - протянул он, уже, по сути приняв решение, - скажи-ка, во сколько приходит врач?

- Почему ты сам не вызвал ей такси?

- Не знаю... мне это даже в голову не пришло, если честно. И я почему-то был уверен, что она им не воспользуется, вот и всё.

Корочка апельсина наконец набрякла в горячем вине и пошла на дно. Вот так оно и бывает, подумал я. Одно за другое, и сам не заметишь, как начинаешь не думать что-то о человеке, а просто знать.

Глава 5. Кофе втроём

... «Твоюжмать!» - кажется, я не сдержался, высказался в голос...

Клемент припарковал машину, вышел и вскинул на плечо плотно набитый потёртый рюкзак. Огляделся, и сразу же поморщился от впечатления, что вокруг простирались безобразные трущобы. Невысокие грязно-серые здания, обшарпанные стены, вдалеке виднелась бесконечная бетонная стена, кажется даже с колючей проволокой по верху.

- Ну и райончик, - пробормотал он, поудобнее устроил рюкзак на плече и распахнул заднюю дверь машины.

Выгрузить пассажирку оказалось непростым делом: здоровая нога в тяжелом чёрном ботинке военного образца (явно мужском) уверенно встала на выщербленный асфальт, но вторая – поврежденная и плохо гнущаяся – портила отличное начало. Через полминуты Клементу надоело играть в галантность, он заставил Флёр запихать здоровую ногу обратно и вытянуть вдоль пострадавшей, развернул её на видении спиной к себе и вынул из машины, держа за талию.

Хвалёный жесткий фиксатор работал не хуже гипса, но для того чтобы он влез хоть в какую-то обувь, ботинок, который и так был девушке велик на пару размеров как минимум, пришлось полностью расшнуровать. Зато эффект был налицо: Флёр подпёрлась больной ногой, потянулась было отобрать у профессора свой рюкзак, но отступилась, и сделала на пробу несколько шагов. Клемент наблюдал за процессом, и в целом остался вполне доволен: худо ли бедно ли, девушка держалась на ногах, и уверял, что так куда удобнее чем с опостылевшим за истекшие пять дней костылём.

Она направилась к одному из подъездов, с каждым шагом опираясь на больную ногу всё увереннее. Порылась в кармане куртки, достала ключи, и бросила их обратно: домофон был сломан. Внутри их

поджидал очередной сюрприз: полуоткрытые дверцы лифта украшала отпечатанная на чёрно-белом принтере табличка «Лифт НЕ работает!!!» То есть для Клемента это оказалось сюрпризом.

- Он давно не работает, - махнула рукой Флёр, уверенно сворачивая к лестнице.

- И высоко нам...? – поинтересовался Клемент.

- На третий, - она заметила, что спутник уже примеривается, как бы половчее её поднять, и сразу предупредила. – Я сама.

Он скептически хмыкнул, но возразить не решился. И правильно сделал, как оказалось. Флёр крепко вцепилась в перила и довольно лихо заковыляла по узкой лестнице вверх. Вряд ли Клемент сумел бы оказать сколь бы то ни было значимую помощь, разве что подстраховать сзади, вот как сейчас.

- Ловко ты, - похвалил он, когда они добрались до третьего этажа. Площадка была крошечная, четыре двери, да пара метров кафельного пола.

- Это вверх ловко, худо будет вниз, - равнодушно отмахнулась от комплимента Флёр, и Клемент ощутил укол обиды. Он и правда хотел сказать ей хоть что-то приятное, а в подобных обстоятельствах это было куда как непросто.

- Проходите, - Флёр дважды провернула ключ, и распахнула дверь. – Будьте как дома, только не удивляйтесь, у меня тут беспорядок.

Он прошёл в тесную прихожую, поставил рюкзак на какую-то приступочку, именно для этого, видимо, предназначенную.

- Вон тапочки, выбирайте любые, - она принялась неторопливо и вдумчиво стягивать ботинок с распухшей ноги.

Тапок было три комплекта: две пары почти одинаковых, безразмерно огромных, и третьи, маленькие, в шотландскую клетку, очевидно принадлежавшие хозяйке. Клемент сменил туфли на махровые тёмно-зелёные тапки и сделал ещё пару шагов вглубь квартиры, чтобы не мешать Флёр, и одновременно осматривая жилище. Справа кухня, маленькая, если не сказать крошечная, слева комната. В окно стучатся облетевшие ветви деревьев... наверное, летом сквозь них просачивается солнечный свет, радостный и весёлый, но сейчас окошко выглядело крайне неприветливо.

- Чай? Или Кофе? – спросила гостеприимная хозяйка, совладав наконец с обувью и напялив правый тапок (влезть в левый пострадавшей ногой не было решительно никакой надежды).

- Кофе, - согласился Клемент. Ему было не ясно, что делать дальше. Вроде бы выполнил всё, что намеревался, доставил в лучшем виде, привёл домой. Что дальше? Просто развернуться и уйти? Предложить помочь по дому? Выйти за покупками – ей же, наверное, самой тяжело? Или наоборот, убратся поскорее восвояси, чтобы не создавать помех? С другой стороны, ведь она сама предложила. Выпью кофе, и уйду, - решил Клемент. Он шагнул в кухню, присел на покрытый вязанной дерюжкой табурет. Колени почти упёрлись в угол маленького холодильника, стоящего напротив.

Флёр, шаркая, прошла в комнату, чем-то пошуршала, ругнулась в полголоса, потом показалась в кухне. Обойти его торчащие коленки

не коснувшись ей было бы тяжело. Клемент вскочил, чтобы не мешать, пропустил девушку и приземлился обратно, стараясь устроиться покомпактнее. Получалось не ахти – помещение явно не было рассчитано на постояльца ростом метр девяносто. Флёр привычной рукой поставила на плиту джезву, потянулась за коробочкой с кофе к верхней полке. Поморщилась болезненно, случайно опершись на больную ногу.

Клемент принялся оглядывать помещение. Линолеум на полу, под одной из ножек стола протёрлась дырка. Обои на стенах выгорели от солнца и пожелтели от времени и кухонной гари. На подоконнике пара маленьких горшочков с кругляшками кактусов, возле электрического чайника букетик искусственных цветов. На стене две небольшие вышивки в дешевых рамках: в серо-синих тонах какой-то вокзал, и в серо-зелёных – старый замок. Клемент вдруг сообразил, что букет который он разглядывал раньше – не искусственный, а собран из обычных цветов, заботливо высушенных так, что сохранили даже остатки цвета. Наверняка Флёр собирала их сама. Клемент сам не заметил, что улыбается.

- Ты давно здесь живёшь?
- Больше года. С тех пор как перешла в наш институт.
- А почему не в общежитии?
- Вам кофе с молоком? – она потянулась открыть холодильник, и Клемент снова подхватился, боясь ей помешать, хотя на сей раз это было совершенно не нужно. – Пройдите в комнату, - предложила Флёр. Наверное, ей тоже было неловко: у неё на кухне сидел преподаватель, и не знал, куда себя деть.
- Мне без молока, - сказал он уже из коридора.

В комнате было прохладно. У стены стоял выдавший виды диван, на нём прикорнули несколько подушек и мягкий флисовый плед – тоже клетчатый, в шотландку. У стены напротив – стеллаж на пять полок, плотно заставленный книгами. У окна стол, на котором царил противоестественный порядок: ноутбук, настольная лампа, и больше ничего, ни позабытых листов, ни оставленных ручек. В углу платяной шкаф. На стене четырьмя силовыми кнопками распята собранная картинка-пазл, большая, наверное, на пару тысяч деталей: тёмно-синее небо, испещрённое частыми белыми точками звёзд, бледный розоватый диск полной луны, и на фоне этого великолепия волчья стая. Сколько же терпения нужно, чтобы собрать эти крошечные одинаковые кусочки?! А в изголовье кровати ещё одна вышивка. Висит удачно – закрывая засаленную потёртость обоев. Милые уютные мелочи среди общей капитальной ободранной бедности...

Он взял с полки первую попавшуюся книгу, опустился на диван... и чуть не умер: из-под смявшегося пледа на него уставились, не мигая, два жёлтых круглых весьма недобрых глаза.

Из складок ласкового флиса вытянулось, выгнулось, выбралось горбатое чудовище. Прогнулось наоборот вниз, вмяв собственный хребет... и наконец пред светлы очи профессора предстал во всём великолепии...

- Твоюжмать, - профессор не сдержался, высказался в голос. Совсем недавно в юмористической колонке газеты ему попало объявление

«Найден кот породы канадский сфинкс. Хозяин, отзовись скорее, коту очень холодно, нам очень страшно».

- Мяу, - низко и весомо сообщило чудовище. Больше всего это напоминало рык ротвейлера.

Скачано с сайта knigomania.org

- Что у вас там происходит? – в комнату, прихрамывая, вошла Флёр.
- Что это? – слабым голосом поинтересовался профессор, не чувствуя в себе сил встать, приветствуя даму. Впрочем, на сей раз его длинные коленки, вроде бы, никому не мешали.
- Это Буч. Бучик, ты проснулся? Мальчишки не забывали тебя кормить? Тебя не обижали? – между делом она переставила на узкий подоконник ноутбук и лампу. – Профессор, если вас не затруднит, подвиньте стол к дивану.
- Я думал, «Буч» это собачье имя, - он послушно поднялся, и принялся осторожно переставлять стол, ибо были некоторые опасения, что мебель доживает отнюдь не первый десяток лет, да и вот эта ножка как-то подозрительно накренилась внутрь... вот будет умора – зайти на кофе, и сломать девушке стол. Благами намерениями...
- А он и есть пёс, - улыбнулась Флёр. – Только заколдованный.

Клемент закончил устанавливать стол и хотел было сесть, но передумал – на том месте, где он обосновался минуту назад уже примостился Буч. По-хозяйски разлёгся и когтями подтягивал к себе плед. Клемент только головой покачал, обошёл стол, подвинул вертящийся офисный стул и сел напротив.

В кухне что-то приятно зазвякало, и снова появилась Флёр с подносом в руках. Аккуратно поставила поднос на стол, разлила свежесваренный кофе в две нелепые чашки (одна изящная, из настоящего фарфора, с гиацинтами на боку, другая из толстого фаянса с картинкой из старого мультфильма), и широким жестом предложила ему:

- Выбирайте!

Клемент взял мультяшную чашку, и с почти детским восторгом увидел, что от горячего напитка на толстом боку проявляется ещё одна «секретная» картинка. На подносе стоял сахар (аккуратная пузатая баночка с колотыми коричневыми кусочками) и молоко –

обычный пакет из супермаркета. Смешения стилей круче представить себе он не мог.

А Флёр между тем подвинула к себе фарфоровую чашку, плеснула молока, буквально на волосок, а ему предложила:

- Сахар, профессор?

- Ага, спасибо, - он принялся старательно размешивать стальной ложечкой сахар. Кристалл расходился долго и звенел об ложку, не то что обычный песочек из пакетика в кафе.

Повисло молчание, но его нельзя было назвать напряженным, скорее недоумённым: странная несуразная встреча подходила к концу, но ни один из них толком не представлял, как именно она должна закончиться. Клемент посмотрел на девушку. Она устроилась на диване, вытянув в сторону травмированную ногу, кошмарный Буч не стал, как это делают обыкновенные коты, забираться к ней на колени, а пристроился рядом, прижался боком. Он не урчал, и только мерно прикрывал и открывал щёлочки глаз в такт дыханию, словно предупреждая: я не сплю, попробуй только выкинуть какой-нибудь фокус, чужак, мигом узнаешь, какие у меня когти! Флёр двумя руками поднесла к губам всклянь полную чашку, сделала глоток... и только тут он заметил это: и как только раньше не обратил внимания?

Он отставил чашку в сторону, дождался, пока Флёр опустит свою, и осторожно дотянувшись, накрыл её ладони своими, прямо поверх горячей чашки.

На короткий миг его захватило это ощущение – горячий фарфор, и прохладные тонкие пальцы, которые чуть дрогнули под его руками, гладкая нежная кожа – и больше ничего. Никаких барьеров и предостережений. Прежде чем варить кофе, Волчица сняла весь свой защитный арсенал.

Вот именно, защитный! Вот балда, а ведь по психологии пятёрку получил когда-то. Сколько уже он с ней знаком, и всё считал эти кольца и цепи непомерным способом самовыражения, опять же, знаком, маркирующим субкультуру. И только сейчас до него дошло, что она просто защищалась. От насмешек плюгавых слюнтявых мажоров, от высокомерного фыркания юных стервочек на каблуках, катающихся на тятенькиных «Вольво», от декана и преподавателей, далеко не все из которых готовы были, как мудрое ископаемое Валента, закрыть глаза на настолько экстравагантную внешность в счёт выученных уроков и правильных ответов. Оттого и ходит наша Волчица с двумя такими же волками, к которым культурных девочек заботливыемамашки и на пушечный выстрел не подпустят. И не боится. А чего она, интересно, вообще боится?

Клемент обнаружил, что Флёр внимательно смотрит на него поверх чашки. Она не убирала ладоней, но тоненькие пальцы напряглись, секундное очарование момента прошло, оно было упущено, растворилось, как сахар в горячем чёрном кофе.

Он осторожно, едва касаясь кончиками пальцев огладил её кисти – и отпустил.

- Так лучше, - он взглядом указал на её руки.

- Когда как, - уклончиво ответила Флёр

Он так и ушёл с неясным и тревожным осознанием открывшихся ему истин. И с ощущением прохладной беззащитной кожи под подушечками пальцев.

Было около двух пополудни, когда он вернулся домой.

- Ты рано, - приветствовала его Дениз. Она только вчера вернулась из

небольшой командировки, и наслаждалась заслуженным отдыхом после перелёта.

- Ведь это же хорошо, - улыбнулся Клемент. Он обнял жену и легко поцеловал в щёку.

- Где ты был? – поинтересовалась она. – Я звонила на кафедру, мне сказали, что тебя нет. И мобильный не отвечал.

Клемент мгновенно почувствовал себя не в своей тарелке. Как будто его поймали на горячем. Будто он и в самом деле сделал что-то нехорошее, постыдное... С другой стороны, не станешь же рассказывать жене о том, что внезапно решил поработать бесплатным таксистом, а потом пил кофе с симпатичной девушкой, даже с учётом присутствия чудовищного кота в качестве блюстителя нравственности.

- Натан попросил его подменить на одном общественном мероприятии, - небрежно ответил он, надеясь, что трубку на кафедре снял кто-то другой из коллег.

- А мобильный почему не брал?

Мобильник Клемент отключил ещё в больнице, когда разговаривал с врачом, чтобы удостовериться, что с Флёр действительно всё будет в порядке, и ей не нужен стационар. А включить обратно, естественно, забыл. Это так удобно, когда мобильник молчит!

Он пошарил в кармане, вынул телефон.

- Гляди-ка, выключился, - умеренно, чтобы не прозвучало слишком фальшиво, подивился он. – Странно, с чего бы.

Дениз придирчиво осмотрела телефон – старенькая модель, кнопки с подсветкой вместо гладенького сенсорного экрана.

- Ничто не вечно, ты знал это? – пренебрежительно усмехнулась она.
– Выкини эту рухлядь, купи нормальный телефон.

- Да я к этому привык.

Улыбка на лице Дениз погасла.

- А пропадать на полдня ты тоже привык?

- Дениз, я был на работе, я же тебе объяснил.

- И то что я за тебя беспокоюсь, места себе не нахожу, к этому ты тоже привык, конечно!

- Милая, не начинай.

- Я тебе не милая! На работе у тебя «милая». Или дружок, как у твоего драгоценного Натана!

- Его-то в это не впутывай, и вообще, при чём тут...

...В своё время не многие оценили экстравагантный выбор коллеги по кафедре. Но в конце концов, это личное дело каждого...

***

- Меня это не удивляет, - усмехнулся я. – Ты, насколько я помню, тоже был не в восторге!

- Ну, знаешь ли...

- Ладно, об этом можно и после поговорить.

- Ты знаешь, у меня такое ощущение, что Дениз уже тогда догадалась. Ничего ещё не было, даже я сам ещё ничего не знал, а она...

- А у женщин вообще мышление работает иначе чем у нас, ты не знал?

- Знал конечно. Но как-то впервые столкнулся с тем чтобы женская логика напоминала рентген.

- Здесь в траекторию полёта фантазии не вступишься: иногда хоть кол теши, хоть голым пляши, очевидные вещи, которые говорят им в лицо, они не воспринимают как факт. Придумают тысячу уловок, оправданий, причин... а иногда наоборот – ты ни в чём не виноват, и даже в мыслях у тебя не было ничего дурного, но они придумают тысячу причин, уловок и обвинений...

- Не смешно.

- А мне и не до смеху! Видал бы ты, в какую сумму мне вылился в своё время развод, ты бы тоже не так веселился.

Глава 6. Скандал

...Я не выдержал, взорвался: «Да что ты нас, сватаешь что ли, в самом-то деле?!»...

Клемент искренне полагал, что Волчица засядет на больничный, всерьёз и надолго. Ну и хорошо. После скандала, который устроила ему жена, при виде девушки ему наверняка придётся прятать взгляд, а это уж как-то совсем неприятно. Пусть она пока отлежится, подлечит ногу, понянчит кота, может за это время и неприятный осадок сотрётся. Он ошибался.

Уже в понедельник, когда он вошёл в аудиторию, Флёр сидела за любимой партой у стены. Кожаные штаны уступили место джинсам, расклешенным от колена, ковбойские сапоги – тем самым армейским ботинкам (под джинсами и не увидишь, что один начисто расшнурован), а всё остальное осталось как прежде – вплоть до последнего колечка на пальцах.

Ему тягостно было видеть её смеющееся лицо «Дома сидеть потому что ногу растянула? Я?! Да вы все меня ещё плохо знаете!» Неукротимый дух требовал немедленных подвигов, вот хотя бы дойти от одной аудитории до другой, не слишком заметно хромая. А негодование Дениз, между прочим, не только объяснимо, но и совершенно справедливо. Женщины чувствуют ложь, возможно с самого момента рождения. И женщины не приемлют лжи.

- Де Ленисс, - отводя взгляд, проговорил профессор, - я рад, что вам уже лучше.

- Спасибо, - тоном «не дождётесь!» отозвалась Волчица.

Получается, и ей особо не соврёшь. Он думал о ней, хотя не должен был. Он хотел проявить равнодушие – и не мог. И на завтра, и на следующий день, профессор Стенс частенько ловил себя на том, что ищет взглядом в толпе знакомый силуэт, и долго провожает взглядом, следя, чтобы не споткнулась, проверяя, не задирается ли кто из записных дебоширов.

Один раз он увидел, как Флёр оступилась на лестнице – он как раз поднимался из институтской столовой, а она, видимо, шла на перекур. Она внимательно смотрела под ноги, осторожно и продуманно: шаг здоровой ногой, рука на перилах, шаг травмированной – и всё-таки в какой-то момент не удержалась, соскользнули пальцы, звякнули цепочки...

Он оказался рядом раньше, чем успел оформить осознанную мысль. Пластиковый контейнер с отличным подобием обеда (картофельные палочки из глубокой заморозки, разогретые в микроволновке, и котлета, о происхождении которой задумываться не хотелось с зеленью в виде плевка мелко молотого шпината) звучно плюхнулась на ступеньки. То-то порадуются уборщицы... а Клемент стальной хваткой вцепился в предплечья девушки, страхуя от падения.

- Де Ленисс, аккуратнее смотрите под ноги! – в сердцах, выплёскивая собственный неоправдавшийся мгновенный испуг, выдохнул он сердито.

- Спасибо, профессор, - тоном «так вам же всё равно», безукоризненно вежливо ответила Волчица. Ухватилась за перила, движением плеч освободилась от его рук и пошла себе дальше: простой шаг, перила, болезненный шаг... не оглядываясь, не сомневаясь.

Клемент глянул на кляксу расквашенного обеда, мысленно махнул рукой (всё равно не вкусно) и пошёл в учительскую пить кофе.

А вот что оказалось настоящей неожиданностью – так это поведение лучших друзей темпераментной и непомерно самоуверенной девушки. Стенс не знал – обдумывал, прикидывал, и всё-таки не знал, как к этому относиться. Ребята явно записали его в компанию «своих». Каждый день подходили, здоровались, пожимали руку на свой странный манер, и увесисто, но не больно били кулаками в плечо (он так понял, это был эквивалент признания, или что-то в таком роде). Что Флёр сказала им, и сказала ли хоть что-нибудь оставалось для профессора загадкой. А ребята меж тем, чуть ли не через день звали его пить пиво (он отнекивался под более-менее убедительными предложениями), угощали вкусными сигаретами (и к концу недели Клемент понял, что это не эпизод, и на работе он теперь курит, и хватит позориться, надо просто купить себе пачку), показали чудесную крохотную пиццерию за углом (всего на три столика, зато с восхитительной свежей пиццей, которая была куда вкуснее обедов из столовки). О Флёр они не говорили вовсе. Просто иногда он замечал, как ей помогает спуститься по лестнице Ганс, а как-то раз, проезжая мимо метро рано утром, увидел, что от станции её ведёт в сторону института Фил.

Флёр игнорировала его куда успешнее, чем он пытался игнорировать её. Когда жалкие потуги одноклассников ответить на какой-нибудь вопрос сходили на нет, Стенс по привычке был вынужден обратиться к Волчице, а она сидела на своей второй парте у стены, и даже глаз на него не поднимала. Но слушала внимательно, о чём свидетельствовали неизменно безупречные ответы.

Как-то раз Ганс и Фил поймали его «на горячем» - профессор стоял и внимательно следил, как Флёр неторопливо шествует от института в сторону метро – без посторонней помощи и почти не хромая.

- Оставь, дружище, - подошедший из-за спины справа Ганс положил увесистую руку ему на плечо.

- Правда, оставь, - высказался Фил, ещё более тяжелой ладонью хлопнув его между лопаток. – Я знаю, что тебе не всё равно. Но ты оставь, она такая...

Бар был маленький, чтобы не сказать крохотный. И находился, смешно сказать, в семи минутах ходьбы от института, просто нужно было знать, в какой закуток свернуть, и в какой подвал спуститься.

Ребята пили пиво, Стенс – кофе с капелькой орехового ликёра. Для компании сгодится, зато пивного духа не будет, чтобы не воспоследовал очередной разнос от благоверной.

- И чего она хорохорится?! – недоумевал Клемент совершенно искренне. – Ну посидела бы дома недельки две, оправилась, кота бы своего безобразного погладила лишний раз.

- Да Буча, пожалуй, погладишь, - Ганс непроизвольно потряс правой рукой в воздухе.

- Ты ещё не понял? – спросил Фил. – Волча сидеть не будет. Волка ноги кормят, она сама так всегда говорит.

- Я в курсе, что она работает, - козырнул Клемент, обретая почву под ногами. – Но можно же на недельку взять больничный, ну, или отпроситься у начальника...

Ребята как-то странно переглянулись. Но видимо решили замять разговор. У Клемента немедленно возникло подозрение, будто они знают что-то, чего он не знает, но пытаться вытянуть показания сейчас было бесполезно.

- А пошли с нами на Самайн? – взорвался свежей идеей Ганс.

Клемент нахмурился и начал вспоминать. В истории он был не слишком силен. Было бы время, подошёл бы спросить у приятеля Натана. Тот, хоть и философ, а историю знает на зубок. Самайн. Звучит знакомо. Самайн-Самхэйн... Хэллоуин что ли?! И когда он у нас? Ага, тридцать первого октября, неделя осталась. Ну-ну. «И что же вы делали на этом Совете?» в смысле, и что же мы будем делать на этом «Самайне»?

- И что же мы будем делать на этом Самайне? – с усмешкой поинтересовался он, прикидывая, что искаженной цитаты ребята не оценят.

- Оторвёмся по полной! – выдал исчерпывающий ответ Ганс.

Всё понятно. Клуб, танцы под бушующий барабан, много пива, курева и дурмана. Клемент с удивлением понял, что от воображаемой картины, от которой он ещё год назад передёрнулся бы брезгливо, сейчас у него расплзается по лицу улыбка. Он, конечно, никуда не пойдёт. Но как же было здорово хоть на минуту представить себя в толпе таких вдохновенных бодрых ребят, одетого в такую же куртку, рядом с ними, равного им, такого же весёлого, сильного и молодого, чёрт побери, ты хоть не забывай, сколько тебе лет!

- Флёр тоже будет, - вбросил очередной аргумент неунывающий

Ганс. – Там и помириться...

- Мы не ссорились, - до предела удивлённый такой постановкой вопроса, ответил Клемент.

- Всё равно приходи. В «Пещеру».

- В какую пещеру?! – уже откровенно обалдел профессор.

- Это клуб так называется, - блеснул белыми зубами Ганс. – Пойдём-пойдём, не пожалеешь!

- Не, ребят, - кое-как переварив свежую информацию, откликнулся профессор. – Как-то я... в формат мероприятия не впишусь, наверное.

Они посидели ещё немного, позубоскалили, представляя себе всех преподавателей института по очереди в компании буйной молодёжи. И Стенсу помимо воли стало казаться, что по сравнению со всеми остальными он выглядел бы в этой кутерьме ещё более-менее уместно...

- Ты всё-таки подумай, - сказал на прощание Фил, - Волча будет рада тебя видеть.

Клемент не выдержал, взорвался:

- Да что ты нас, сватаешь что ли, в самом-то деле?! И сама она каким местом думает, с её ногой – и в клуб?!

Филипп как-то странно посмотрел на него. Оценивающе. Стенса неприятно пощекотало ощущение, что сейчас ему скажут что-то в роде «а не идиот ли ты, профессор?», но Фил промолчал. Пожал плечами и отвернулся.

Стенс так и эдак крутил в мыслях этот странный разговор, и пришёл к выводу, что парни просто придают определенную окраску всему происходящему – в силу возраста и не перебесившихся ещё гормонов окраска получается специфическая, а по-другому они пока относиться к окружающей реальности пока видимо просто не умеют.

Миновали очередные выходные, всё шло своим чередом. Флёр быстро надоело тупо таращиться в парту на его лекциях, она снова следила за ним живыми умными глазами, изредка даже забывалась и отвечала, не дождавшись, когда её спросят. Это было привычно, и даже принесло некоторое облегчение. Флёр всё меньше хромала, перестала болезненно морщиться, спускаясь по лестницам, и вообще была весела и полна жизни. Святой возраст! Весь мир открыт, любая дорога готова стелиться под ноги, энтузиазм бьёт ключом, всё по силам, всё по плечу! Достаточно просто находиться рядом, чтобы тебя уже осенило солнечное тепло этого сладостного безумия, этой эйфории бытия... Клемент улыбался, ставя в журнал очередную ровненькую пятёрку в графе напротив фамилии Де Ленисс.

Тридцать первое число выпало на пятницу, и уже с утра профессор Стенс понял, как бесконечно далёк от современной культуры, ибо радостным возбуждением и предвкушением праздника и безобразия полон был весь институт. То есть, весь студенческий состав, конечно. В учительской тихонько негодовали каждый о своём.

- Что ж за безобразие сегодня творится, - посетовал один из коллег, - как с ума все посходили!

- Так Хэллоуин же, - Стенс мгновенно погасил улыбку, ещё секунду назад красноречиво свидетельствовавшую о том, что он в целом не против общего кипеша.

- Да я всё понимаю, но это же не повод...

Выслушав ещё порцию подобных комментариев, Клемент согласился со всеми, солидарно покивал, и сбежал на лекцию. И в обеденный перерыв в учительскую не пошёл, ограничился перекуром на институтском дворе.

- Приветствую, - Филипп и Ганс нарисовались рядом, как два чёртика

из табакерки. Оба улыбались, каждый прятал под полу куртки початую банку пива.

- Будешь?

- Нет, спасибо, - он пожал им руки, закурил, и не сдержал широченной ухмылки. Надо же! Пиво под куртками. Вот дебоширы!

- Так что ты решил, идёшь с нами сегодня в «Пещеру»? – хорошее настроение Ганса было безгранично, оно било фонтаном, искристыми брызгами застилая ему даже объективное восприятие реальности.

Филипп вдруг напрягся, глядя куда-то Клементу за плечо. Потом посмотрел на него, едва ли не зло, и коротко кивнул:

- По-моему, это к тебе.

Клемент обернулся. Неторопливо постукивая каблуками по асфальту дворика к нему приближалась... Дениз. Элегантное светло-серое пальто, копна светлых локонов, уложенных в тщательно продуманном беспорядке... Клемент от неожиданности поперхнулся дымом.

- Кха-кха... Привет, Дениз, - выдавил он с трудом.

- Здравствуй, милый, - протянула супруга, скептически оглядывая Клемента и его спутников.

Фил выразительно посмотрел на Ганса и они тихонько отошли в стороночку.

- Что ты здесь делаешь? – спросил Клемент.

- Если тебе это так интересно, - Дениз сделала выразительную паузу, склонив голову набок. Каскад волос живописно обрамлял тонкое лицо, - я забыла дома ключи. Решила заехать к тебе, заодно проведать, как ты там на работе... а вот ты что здесь делаешь? – она сделала ударение на слове «здесь».

Клемент изо всех сил постарался свести разговор на шутку:

- Дышу воздухом, - он обезоруживающе развёл руками, улыбнулся, заглянул жене в глаза, приглашая улыбнуться в ответ.

- М-м, - понимающе протянула Дениз, и показала пальчиком на дымящуюся сигарету, - ты закурил?

- Дениз, давай потом это обсудим? – предложил супруг, и зашарил по карманам. – Вот ключи!

- Нечего тут обсуждать, - сжав ключи с плоским брелоком в ладони, бросила Дениз, - ты посмотри, на кого ты стал похож? Со стороны-то себя видел? Стоит с какими-то... какими-то... - женщина отчаянно силилась подобрать приличное определение «каких-то», - панками! Курит мерзость, а может, ты ещё и пьёшь прямо на работе?

- Ну зачем ты так, - упрекнул Клемент, уже не надеясь на благополучный исход беседы, - это наши студенты, хорошие положительные ребята. Ты же их первый раз видишь, ты их не знаешь!

- Знаешь, мне кажется, я и тебя не знаю. В таком виде, по крайней мере, я тебя вижу в первый раз!

- Милая...

- И мне совсем, совсем не нравится то, что я вижу... милый. Спасибо за уделённое время, я поехала. А ты иди, тебя вон работа ждёт, - она демонстративно указала пальчиком на ребят, молча потягивавших пиво в нескольких шагах, резко развернулась и пошла прочь.

Клемент ещё не успел выдохнуть, когда она обернулась, и в полный голос добавила:

- А домой не торопись, ключи у меня есть, так что можешь хоть вообще не возвращаться!

Профессор устало прикрыл глаза правой рукой. В пальцах левой истлевала ароматным вишнёвым дымом недокуренная сигарета.

- Занимательное, надо полагать, было зрелище, - я ничего не мог с собой поделать, ухмылялся до ушей, - и поучительное в высшей мере.

Клемент прикрыл глаза и болезненно скривился.

- Да уж, зрители были в полном восторге.

- И как это я пропустил этот цирк?

Глава 7.Самайн

...это нельзя было даже назвать танцем, парочки обнимались, плавно покачиваясь в такт. А я прижал к себе Флёр...

Клемент просыпался тяжело. Сквозь уже истончившуюся пелену сна, он ловил обрывки воспоминаний, отголоски запахов, звуков... было много дыма. Нет, не дыма, а пара от сухого льда, клубами. Хотя сигаретный дым был тоже. И ещё был гром – глубокие, отдающиеся в позвоночнике раскаты ударной установки: тррррррр-бумм! И ритм на фоне, быстрый, такой быстрый, что сердце не успевает. А вот света не было – темень, прореженная редкими неоновыми вспышками, да узкими цветными лучами, которые тут и там выхватывали из общей массы лица: зелёное, фиолетовое, красное... И движение – много движения, синхронно со всеми, кто рядом...

Смутно вспомнилось, как он стоял, растерянный, на институтском дворе, потом вроде бы куда-то брёл, не разбирая дороги...

Стоп, сказал себе Клемент, ну-ка соберись. Не каждый день, конечно, такое бывает, но ты всё-таки постарайся.

Дениз ушла, оскорблённо и осуждающе стуча звонкими каблуками, а он остался стоять столбом посреди институтского двора, как будто его ни за что ни про что окатили из бочки с помоями. Народ кругом глазел, некоторые перешептывались и сдавленно хихикали.

Ганс и Фил подошли сзади, и Фил положил свою тяжеленную медвежью лапищу профессору на плечо.

- Пойдём.

- А? – встрепенулся Клемент. О ребятах он, признаться, уже успел совсем забыть. А может, наоборот, ждал, что они сейчас примутся смеяться и переговариваться вместе со всеми?

- Пошли-пошли, - поддержал Ганс. Голос его был преувеличенно бодрым, но он старался. – А то сейчас на лекцию опоздаешь! Как же мы без лекции?

- Преподаватель не опаздывает, преподаватель задерживается, - расхожей фразой ответил профессор Стенс, вспоминая, что он, в конце концов, действительно профессор.

Он позволил Филиппу подтолкнуть себя в спину и пошёл в институт, к тому моменту как перед ним замаячила входная дверь, он уже спокойно мог идти сам, без тяжелой руки на плече. Ганс вырвался вперёд, а Филипп спросил:

- Разрешите присутствовать на занятиях? У меня сейчас свободная пара.

Сам он учился в другой группе, поэтому профессор искренне удивился, но кивнул. Когда он вошёл в аудиторию, небольшую и тесноватую, он увидел их сразу же, они заняли заднюю парту и нахально вытянули в проход длинные ноги.

- Профессор, а мы вас так ждали! – немедленно начал Ганс.

- Рано радовались, прогульщики, - он кинул взгляд на часы: не так уж сильно он опоздал, хорошо. – Начнём!

Где-то к середине лекции его отпустило, он начал полностью понимать, что говорит, перестал сомневаться перед тем, как начать каждую следующую фразу, и стал более-менее восприимчив к окружающей реальности.

- Приведите пример условного предложения второго типа.

В аудитории повисла напряженная тишина, кто-то прятал глаза, кто-то шевелил губами, просматривая конспект.

- Господа и дамы, ещё раз: условное второго типа рассматривает нереальную, гипотетическую ситуацию, например: «если бы люди жили на Луне, они звались бы «Лунатиками»»...

- Если бы я была женой этого лунатика, я бы переспала с его лучшим другом!

Сказано это было очень тихо, но Клемент услышал. Две девицы на дальней парте неудержимо захихикали. Профессор нахмурился, вспоминая хотя бы одну из их фамилий.

- Лимбург!

Девушка подняла на него смеющееся лицо.

- Составьте нам условное предложение второго типа!

- If I... ээ... мм...

- If Lara had any brains I would fuck her good[1]! – не вставая, в полный голос сообщил Ганс.

- Хорошо, - похвалил грамматику профессор, и только потом понял смысл сказанного и прыснул. Стремясь скрыть смех, поднял руку ко

рту, кашлянул...

Кто-то из студентов захихикал, одна добрая душа перевела для Лары смысл сказанного. Она завертелась, стремясь настигнуть обидчика хотя бы возмущенным взглядом, но это было бесполезно: достаточно было один раз увидеть эту наглую рожу, чтобы понять, взглядами его не проймёшь!

И как с ними Флёр управляется, невольно подумал профессор.

[1] Если бы у Лары было хоть немного мозгов, я бы её трахнул.

Когда лекция закончилась, Клемент остался сидеть на месте, благо пара была последней. Надо было собраться с мыслями, помолчать, поразмыслить. Ну, устроила баба скандал, ну что ту такого. А коллеги – что? Посудачат и забудут, не велико дело. Тут он с удивлением отметил, что сейчас думал о Дениз отстранённо – некая абстрактная величина, переменная с известным рядом значений. Подумаешь, не ожидал он, не был готов – так надо было полагать, что рано или поздно что-то подобное случится. И ничего страшного, в конце концов, он не с девочками в бикини кокетничал. Дениз тоже перебесится. Хотя прямо сейчас к ней соваться, или даже звонить, наверное, не следует...

- Чего сидишь, собирайся, - как оказалось, Ганс и Фил никуда не ушли, а стоят и терпеливо следят за совершенно разбитым преподавателем.

- Нет, ребят, - проговорил он, и даже голос был глухой, безжизненный, - устал я сегодня, и надо подумать.

- Не надо, - заверил его Ганс с потрясающей уверенностью. – Ну сам посуди, вот будешь ты здесь сидеть один, потом пойдёшь домой, и там что будет – знаешь?

- Слушай, Ганс, ты конечно хороший парень, но вот не надо мне... - он собирался прочитать ёмкую лекцию о том, что он вообще-то взрослый сознательный человек, и кто б ещё его учил на какую тему.

- Вот именно, не надо! А то вы там посуду побьёте, только бытовухи тебе сейчас не хватало, а то глядишь и правда выставит за порог, будешь на коврике под дверью ночевать, - он хамил настолько откровенно, что Клемент не нашелся, что возразить. А самое паршивое – Ганс был прав.

Они снова шагали впятером, ранние осенние сумерки дышали им в лица прохладой.

- Замёрз что ли? – Филипп глянул на Клемента. Они шли не торопясь, чтобы поспевала всё ещё прихрамывающая Флёр.

- Д-да нет, - отмахнулся Клемент, которого насквозь пробивали копыя противного ветра.

- Угу. Оно и видно. Держи, - Филипп снял куртку, и не слушая возражений накинул Клементу на плечи поверх светлого пиджака. Куртка была тёплая и невероятно тяжелая.

- А ты как же?

- Я привычный, - буркнул Фил, нахохлившись в толстовке с изображением каких-то размалёванных музыкантов.

Вот и дождался, мелькнула шальная мысль, хотел чёрную куртку, на тебе, получи, распишись. И запомни хорошенько, что ты чувствовал в этот момент.

Рядом шла Флёр, чуть поодаль Филипп, чуть приотстав – Ганс, под локтем у которого смешно семенила маленькая девочка Элина. Брести сквозь осень, путаясь в рваных тенях, бок о бок с этими потрясающими ребятами было офигительно хорошо.

Вход в клуб напоминал выложенный грубо отёсанным камнем тоннель метро. Внутренний антураж не уступал. Тут было жарко, дымно и громко, и поначалу Клемент поморщился, пытаясь сообразить, как это его занесло в такое злачное место, и как бы отсюда побыстрее свалить.

На сцене извивалась, под час доходя до непристойности, худая костлявая девица в очень смело открытом платье. Дура, ну не дал тебе бог груди, так хоть бы тряпку что ль нацепила посвободнее. Девица пыталась петь, несколько парней на фоне – играть. Разношерстная толпа зрителей-слушателей поддерживала это начинание, кто-то толкался у сцены, резко выкидывая вверх руки с растопыренными на манер «козы-дерезы» пальцами, кто-то пил у стойки, кто-то у небольших колонн, снабженных подобиями кольцеобразных столешниц. Разговаривать в такой шумовой наполненности было решительно невозможно.

- ...раз? – Клемент понял, что Флёр обращается к нему, и демонстративно развёл руками, мол, не слышу.

Она подошла совсем близко, Клемент на всякий случай наклонился, и она почти прокричала ему в самое ухо:

- Вы здесь первый раз?

Он рассмеялся, и сам не услышал своего голоса. Флёр рассмеялась тоже, видимо поняв, что вопрос был глупый.

- Ну, где вы там?! – проорал Ганс, взял обоих на плечи и повёл куда-то сквозь толпу.

В дальней стене огромного зала обнаружилась широкая ниша с тяжелой дверью. Здесь было потише, умопомрачительная музыка доносилась сюда едва ощутимой вибрацией. Ганс провёл их в угол, где вокруг приземистого прямоугольного стола сидели на низких скамеечках, заваленных подушками Фил и робко улыбающаяся Элина.

Флёр уютно устроилась в уголке, поджав одну ногу и вытянув другую вдоль стола. Клемент тоже сел, а Ганс помахал кому-то

невидимому в сумраке рукой, прежде чем плюхнуться рядом с Элиной. Спустя минуту к ним подошёл официант (Клемент окинул его оценивающим взглядом, и догадался, что в неслужебное время парнишка наверняка тоже щеголяет в чёрной куртке и ковбойских сапогах). На подносе, который официант водрузил на стол, возвышался кальян синего стекла. Клемент тихо обалдел, наблюдая, как Фил сноровисто раскуривает его, передаёт мундштук Гансу. Тот со вкусом затянулся, выдохнул облако густого белого пара, передал мундштук Элине...

- Господа, - наконец обрёл голос профессор, - ну вы бы ребёнку-то хоть здоровье не портили... я уж молчу про то чтобы преподавателя постыдиться.

Собравшиеся изумлённо замолчали, и вдруг разразились радостным хохотом.

- Да это не дурь, - выдавила Флёр, отбирая у Элины мундштук. – Обычный табак, яблочный. Попробуйте!

Наверное день был такой. Может быть просто все немного сошли с ума – Филипп и Ганс, они от века такие, Дениз, устроившая ему весёлую жизнь, эта маленькая Элина, непобедимая Волчица – Флёр, да и сам он. Ведь он не мог, просто не мог оказаться в этом месте, слушать эту музыку, дышать этим воздухом. Всё это было не просто необычно – чуждо, немыслимо... Он взял мундштук, сделал затяжку...

- Не так, - тут же сказала Флёр. – Дышите свободно, полными лёгкими, - она перехватила у него мундштук, прижалась губами, вдохнула, и спустя пару секунд выпустила белёсое облачко, в середине которого поплыло аккуратное колечко.

Клемент попробовал ещё раз и удивился: это было не похоже вообще ни на что. На сигаретный дым тем более. Порция ароматного воздуха не обожгла гортани, а дым, который он выдохнул, был... холодным. Действительно, табак как табак, ни малейшего привкуса сладковатого дурмана.

- Здорово! – честно сказал он. – А в чём прикол?

Ганс принял у него мундштук:

- В концепции.

- Трубка мира?

- Где-то так...

Сложно было вести счёт времени. На часы Клемент не смотрел. Он расслабился, ушло ощущение нереальности и чуждости. Завтра будет завтра, а сейчас есть сейчас.

Элин с Гансом выбрались из-за стола и скрылись за тяжелой дверью в танцевальном зале, но очень скоро вернулись.

- Ребят, пойдёте, там «Ручеёк!».

Флёр подхватила, легко, как девчонка, бросила вопросительный взгляд на Филиппа?

- Я подойду, - кивнул Фил, и остался сидеть.

Клемент прикинул и решил, что он пока морально не готов вылезти из зоны комфорта, в которой устроился, в зал с бешеной толпой.

Филипп помахал официанту, тот подошёл, выслушал заказ, и растворился в сумраке, а вынырнул оттуда, неся на подносе два высоких бокала, наполненных чем-то синим и слоистым. В довесок к бокалам официант положил на столик коробок спичек с эмблемой заведения.

- На удачу, - сказал Филипп, лихо чиркнул спичкой, поднёс к бокалу, и поверхность коктейля загорелась синим пламенем. Филипп отсалютовал Клементу и неторопливо выпил одним длинным глотком. Выдохнул, удовлетворенно прикрыл глаза и подтолкнул спички профессору.

Клемент подумал, что сейчас сядет в лужу – он никогда в жизни не поджигал коктейли. Но жидкость загорелось легко, огонёк заплясал по гляncу поверхности.

- Скорее, пока не потухло, - поторопил Фил, и профессор поднёс бокал к губам.

Было не слишком крепко, и где-то на середине бокала Клемент вдруг понял, что на самом деле очень хотел пить. Он жадно осушил бокал, и не успел даже сказать что-нибудь по этому поводу, как Фил снова каким-то непостижимым образом вызвал официанта со второй порцией...

Они о чём-то говорили, но не о важном, и не много. Клемент давно заметил, что Филипп – далеко не болтун, а в последнее время стал даже немного замкнутым. Он хотел было расшевелить собеседника, вытянуть на откровенность, и спросил, есть ли у него девушка. Кажется, Фил снова промолчал, но так, что Клемент моментально понял, что надо сменить тему. Потом они выпили ещё...

Снова открылась тяжелая входная дверь, впустив новую порцию воплей и музыки, и из этого ада выпорхнула Флёр. Растрёпанная, запыхавшаяся, счастливая, и глаза у неё горели.

- Началось! – выпалила она.

Потом окинула их с Филиппом оценивающим взглядом, пробормотала что-то вроде «понятно», и сказала ещё раз:

- Там началось, идёте!

Клемент так и не понял, что началось, однако послушно встал, отмечая про себя, что, может быть, последняя порция коктейля была лишней, и пошёл туда, где гремели, отзываясь в самом позвоночнике, басы.

Он думал, что будет стоять безучастный, в стороне от общего безумия, но уже через пять минут обнаружил, что бессознательно притопывает ногой в такт музыкальному ритму. Потом кто-то толкнул его в плечо, и он оказался ещё ближе к неистово прыгающей толпе. Совсем близко, среди них.

Он успел ещё подумать, что хорошо бы в этом бедламе всё-таки не теряться от своих. Он увидел Флёр. Пробился к ней, она его узнала. Ребята стояли рядом, прикрывая Флёр и Элину от опасности быть затоптанными такими же крепкими плечистыми парнями как они сами.

Беги!

Вперёд по мосту своих грёз.

Веди

Меня за собою туда, где ни горя ни слёз...

Просто стоять рядом с беснующимися в каком-то подобии танца ребятами было решительно невозможно; чтобы избежать постоянных толчков слева и справа Клемент начал двигаться вместе с ними, и вот уже одна рука его лежит на крепких плечах Филиппа, а другой он осторожно (насколько в такой толчее можно быть осторожным) прижимал к себе Флёр. Её растрёпанная макушка оказалась ему чуть выше локтя, поэтому страховать девушку было особенно неудобно. Тонкие руки в цепях и кольцах то и дело вскидывались вверх, в

неоновых вспышках сияя белым пламенем.

Сорви!

Сорви эти цепи с усталой души.

Люби!

Меня! Вечной свободой нашей дыши...

Он отпустил Фила, и теперь придерживал её за плечи обеими руками. Это было и удобнее и надёжнее – пожалуй, если бы обнять её и заключить в кольцо рук, то она оказалась бы прикрыта со всех сторон... Ещё один сумасшедший ритм, и ещё песня. Клемент почувствовал что устал. Интересно, долго ещё это будет продолжаться? А кто-то ведь как пришёл сюда, так и прыгает, как заведённый... Нельзя сказать, чтобы усталость отступила, просто Клемент в принципе перестал представлять себе что бывает другое агрегатное состояние, иной способ бытия, кроме этой бешеной пляски, где спрессованные тела прижимаются друг к другу, и он всё крепче сжимает кольцо рук, защищая, пульсирует вспышками стробоскоп...

Мгновение паузы, вой толпы, аплодисменты. Он хотел спросить у кого-нибудь, закончилось ли шоу, но тут снова взвыла гитара и ударные мурашками пробежали по спине. Мелодия была медленная, тягучая, словно патока, завораживающая своей грубой красотой. Музыка, как древние камни забытых святилищ...

Толпа разбилась на парочки; это нельзя было даже назвать танцем, они обнимались, плавно покачиваясь в такт. Клемент прижал к себе Флёр.

Девочка моя, гордая моя Волчица, как прекрасен твой мир! Спасибо тебе за то, что дала сделать в нём вдох, окунуться в течение его жизни, потому что эта жизнь великолепна! Солнышко моё колючее. Осторожней, не бойся, я здесь, я тебя держу, я никому не дам тебя в обиду.

Темнота, пробиваемая рваной очередью вспышек стробоскопа уступила место обыкновенной глухой темноте. Клемент открыл глаза, и тут же зажмурил – тусклый свет больно резанул, чуть не выбив слёзы. Воздержавшись от немедленного повторения эксперимента, он попытался сориентироваться, собирая прочую доступную информацию о текущем положении вещей.

Было тепло, он лежал на мягком. Уже хорошо. По крайней мере, не больничная койка, и не канава под забором. Ну ты даёшь, товарищ профессор! Шея затекла, он попробовал устроиться поуютнее, щекой и плечом нащупал что-то вроде подушки. Приятно, чёрт возьми, значит, он спал в кровати. Правильно, в жизни должны быть нерушимые устои, принципы, от которых нельзя отступать. Он сделал глубокий вдох, собираясь с мыслями, и ощутил запах. Незнакомый запах, не домашний, но приятный, напоминавший что-то цветочное... запах явно женский.

Он ещё раз предпринял попытку устроиться поудобнее, при этом рука его скользнула в сторону, коснувшись гладкой тёплой кожи...

Внутри у Клемента что-то гулко ухнуло вниз. Состояние «сутки мучиться с похмелья» испарилось без следа. Он попытался холодной

ладонью сознательного усилия накрыть зарождавшийся комок паники – и не смог. Ну же, давай, дружок, вспоминай, чем закончился вчера вечер. Вы прыгали в толкучке, потом танцевали с Флёр, потом, кажется, ещё пили, или нет? Вспоминай, скорее что было, и начинай соображать что делать.

Он ощутил под рукой движение, не выдержал и открыл глаза. Он лежал на диване, и диван был ему явно мал: ноги торчали через один подлокотник, плечи покоились на тощей подушке поверх другого. Кто-то заботливо укутал его клетчатым пледом, а рядом, уютно и трогательно пристроившись на краешке подушки...

- Твоюжмать, - устало выдохнул он. – А впрочем, это уже было. Доброе утро, Буч.

Кот дёрнул ухом, слышал, мол, и других знаков внимания оказывать не стал.

Клемент поднялся и огляделся. Он был один. Как оказалось, он спал одетым – измятая рубашка и брюки были на месте, пиджак обнаружился висящим на спинке стула. И это была хорошая новость.

Брось, дружок, незамедлительно промелькнуло в голове, настоящая хорошая новость – это то что ты, паскуда, спал один. Вот знать бы ещё, как ты здесь оказался?

Он потёр лицо ладонями, ощутив запах курева (вся одежда просмолилась насквозь), попытался пригладить волосы, и понял, что этодохлый номер. Оставив попытки принять хоть сколь бы то ни было подобающий внешний вид, он двинулся на разведку.

А далеко ходить и не пришлось. Флёр сидела в кухне, привычно подобрав под себя одну ногу, рядом стояла чашка кофе, на колене девушка пристроила старенький ноутбук, и что-то сноровисто строчила.

- Доброе утро... профессор, - она обернулась к нему, захлопнула ноутбук, и Клемента догнал запоздалый вопрос: если он спал на диване, единственном в этом сарае, то где же спала сама хозяйка? Ясное дело, не с ним, а всё-таки?

- Привет, - хрипло отозвался он, не зная, как себя вести.

- Хотите кофе? Или пойдёте в душ?

Добрая, славная девочка. Как мило с её стороны это предложить, потому что спрашивать он бы, естественно, постеснялся.

- В душ! – с благодарностью прохрипел он.

- Полотенце там синее возьмите, - напутствовала его Флёр.

Клемент поскорее юркнул в ванную. Заперся на ветхий шпингалет, и принялся раздеваться. Он никак не мог дождаться, пока вода станет терпимой температуры. В результате холодный кран он закрыл вовсе, выкрутив до предела горячий. Вода была еле-тёплой, всё тело затряс неприятный озноб. Он выключил воду, растёрся полотенцем, с отвращением натянул провонявшие клубом брюки и рубашку, и вернулся на кухню – водные процедуры уложились в итоге в десять минут.

Его уже ждала чашка горячего сладкого кофе.

- Спасибо, - первый глоток чуть не обжёг губы, потом дело пошло на лад.

Флёр покачала головой, и Клемент заметил, что она явно сдерживает улыбку.

- Выспались? – наконец спросила она.

- Да, спасибо. Ты сама-то поспала? – это был стратегический вопрос, потому что ответ по-прежнему не давал ему покоя.

- Конечно, - вытянутой ногой она пошевелила какой-то тючок под столом, и профессор сообразил, что это спальник.

- Бедолага! На полу что ли? – невольно вырвалось у него.

- Ну и что? – удивилась девушка.

Нет, ничего, конечно же, всё в порядке, так и надо. Клемент мысленно обругал себя в пять этажей.

- Не спалось тебе на жёстком, - желчно сказал он.

- Наоборот, выспалась уже. Я всегда рано встаю.

- Зачем? Выходной же.

- Я работала, - Флёр кивнула на сложенный компьютер, - по утрам лучше думается.

- А что ты делаешь? – Клемент понял, что вопрос работы его уже действительно интересует. В самом деле, чем может зарабатывать студентка на третьем курсе?

Флёр замешкалась, будто он спросил о чём-то очень личном. Чёрт

возьми, ну не пронуху же она продаёт!

- Я переводчик, - скромно сказала ученица.

Если бы лимит удивления собственной тупости ещё не был исчерпан, наверное, Клемент бы уронил челюсть и посидел так некоторое время. Ну, правильно. Язык она знает, родной речью владеет. Почему бы не пустить это в дело? Молодец девчонка!

- Что переводишь? – на автомате спросил он, чтоб затянувшейся паузой не выказать своего... удивления? Восхищения?

- Рекламные статьи про корпусную мебель, - Флёр покраснела, и тут же попыталась обратить всё в шутку. – «Диван «Совершенство» - совершенное решение для вашей гостиной. Лёгкий в управлении механизм раскладки позволит за три секунды превратить дружеские посиделки в романтический вечер»... ох, это цитата, конечно, - она смутилась, решив, что брякнула не то.

А Клемент всё ещё переваривал информацию. С него было довольно, надо было уходить. Надо было, в конце концов, домой, разбираться с Дениз...

- Родители, наверное, тобой очень гордятся, - решил польстить он.

- Не думаю, - равнодушно, как о пустом, пожала плечами Флёр.

Клемент выжидающе смотрел на неё, требуя расшифровки. Хватит с его бедной головы на сегодня загадок.

- Отец живёт и работает в Канаде, у него там семья... А мама четыре года назад решила выйти замуж за своего бойфренда, у них уже малыш... так что я, представьте себе, тётя! Ну, то есть формально старшая сестра, но когда прихожу к ним, малыш меня так зовёт, - она улыбалась.

- Подожди, при чём тут бойфренд и тётя?! Тебя что же, не поддерживают родители?!

- Почему? За учёбу мама платит. Вы знаете, сколько стоит в вашем институте год?!

- Я думал, тебе платят стипендию!

- При выдаче гранта на обучение приоритет отдаётся детям из неблагополучных семей, - как параграф из учебника, отчеканила она. Потом смягчилась, и добавила, - я чуть-чуть не дотянула. Три балла.

Клемент сочувственно покивал, про себя размышляя о том, что баллы вещь относительная. Если ты хочешь к человеку придраться – ты найдёшь, к чему именно придраться. А глядя на неё и искать не надо, одна куртка и цепи чего стоят... Пойди разгляди за этим антуражем светлую голову!

- Три балла – это обидно, - проговорил он.

- Да ладно, чего уж теперь, - философски махнула рукой Флёр, отпивая кофе.

- Ну хорошо! А увлечения? Мотоциклы, надо полагать? Или что-то другое... мм... тематическое? На что ты тратишь заработанные деньги?

- На квартиру, - Флёр широким жестом обвела окружающее великолепие. Клемент заметил, что вокруг водяной трубы темнеет какое-то подозрительное пятно, впрочем, кажется, уже застарелое. – Платным студентам общежитие не положено. Ну и конечно, Буча надо кормить, - она почесала за ушком явившееся из комнаты чудовище.

Чудовище не возражало, изогнуло хребет, сверкая выступающими позвонками, и открыло ярко-красную пасть в пронзительном голодном мяуканье.

Флёр подхватила, достала из шкафчика банку специальных консервов и принялась за сервировку кошачьего завтрака.

- Я не буду спрашивать, что было, когда ты домой вернулся, - глинтвейн кончился, я поразмыслил, не настало ли время для чего-нибудь посолиднее. Глянул на часы и передумал.

- Не спрашивай, - коротко прикрыл глаза Клемент.

Глава 8. Ноябрь

...она пригласила меня туда, и пришла одна. И я задался вопросом: это что-то означает, или у меня уже галлюцинации на почве хронического стресса?

Самайн, кельтский праздник окончания убора урожая, знаменовал собой приход зимы, тьмы и холодов, а также почитался как праздник мёртвых. КлементуСтенсу временами уже казалось, что он потомок этих кельтов, ибо после вышеозначенного праздника в жизни его осталось маловато тепла и света. С женой началась настоящая холодная война. Она игнорировала его с потрясающим величием породистой лошади, который на копыта пытается помочиться мелкая плюгавая шавка. И каждый раз, когда он старался завести разговор и сгладить затянувшийся конфликт, ответом ему была мёртвая тишина. Клемент даже в раннем детстве не боялся темноты, однако теперь неприязненно морщился, прежде чем войти в спальню. Благо ещё что в новом доме спальня была большая, а на кровати можно было положить четверых поперёк. Он тихо забирался под одеяло, стараясь не потревожить супругу, сидящую с журналом, или уже мирно посапывающую на другом краю постели. Частенько он подолгу не мог заснуть, кутался, как мог, чуть ли ни голову накрывал подушкой, и всё равно мёрз. Иногда думал о чём-то важном и одновременно ни о чём конкретном. Потом отключался под утро, и через полтора часа вскакивал по зову будильника, поскорей собирался, и убегал на работу.

А в институте теперь тоже было невесело. Клемент не знал, что Флёр сказала Филиппу и Гансу, но парни явно чувствовали себя виноватыми. Нет, они, конечно, подходили, как всегда здоровались, но на этом всё. Обменявшись с профессором парой дежурных фраз о природе и погоде, они тихонько терялись в толпе. Кончились совместные походы в пиццерию, посиделки с пивом и панибратские приглашения во всякие значные места. Он хотел было сам позвать ребят на кофе, но передумал – если честно, просто струсил опозориться.

Волчица тоже прятала глаза. И это было вдвойне обидно, и совсем не понятно. Казалось бы, уж кому мучиться стыдом, как ни ему? Напился, облапал девушку во время танца (что-то такое он, болезненно морщась, припоминал, хотя и очень смутно), в добавок её гениальные друзья не нашли ничего умнее, чем транспортировать находящееся на грани клинической смерти тело профессора к ней домой, потому что свободной территории больше не было ни у кого. А утром она сделала ему кофе, и может быть сказала что-то, чего не хотела бы говорить, но ведь слово не воробей...

Флёр приходила, как всегда вовремя, она уже совсем оправилась от травмы и не хромала. Садилась на любимую парту, раскрывала тетрадь и учебник и... не слушала. Теперь, когда он обращался к ней с вопросом, она медлила пару секунд, отыскивая пример, на котором они остановились. Как только профессор это понял, он перестал вызывать её на уроках. Совсем. Своё «отлично» за семестр она и так заслужила, только бы на сей раз успеть первому вклеить ей «автомат»...

Как это ни странно, не ладилось у Флёр и с друзьями. Стенс всё чаще видел её в компании «МариАнны», и девчонки блаженствовали по этому поводу, напропалую списывая конспекты и задания, и делясь жизненной мудростью, как они её себе представляли. Как-то раз профессор увидел всех троих сквозь витрину магазина косметики. Мария тиранила консультанта, Анна делилась своими соображениями с Флёр, Флёр стояла молча и кивала в такт, безучастно, бездумно. На лице её застыло выражение отрешенности близкой к отчаянью. Клемент припомнил, что такое же состояние посещало и его самого в те благие времена, когда Дениз требовалась его компания для похода по магазинам.

А Ганс и Фил каждый день подходили к Флёр, наверное, тоже интересовались, как дела. Она здоровалась, потом что-то фыркала и уходила, очевидно, без подробных объяснений. Вот тебе и волчья стая...

Прошла неделя, другая. Стало почти по-зимнему холодно. Профессор осунулся и побледнел больше обычного, угнетённый жизненными невзгодами. Наступивший ноябрь был промозглым и беспросветным.

В это время Флёр переживала приступ острой потребности в одиночестве. Сообразив, в какое положение поставили профессора поход в клуб и ночёвка вне дома, она устроила инициаторам безобразия образцово-показательную порку, в ходе которой ребята узнали о себе много нового. Им, разумеется, и в голову не приходило рассмотреть ситуацию с такой стороны. Для них всё было просто, ничего плохого они в виду не имели и подавно, просто хотели помочь хорошему человеку развеяться, тем более, раз он так приглянулся их подруге...

Последний пункт неизменно вызывал у Флёр приступ жестокого стыда. Она врала себе столько, сколько можно было врать, но всему есть предел, и этот предел наступил. Она прекрасно помнила клуб, и то, как профессор Стенс обнимал её, защищая от толпы. И как потом, во время медленного танца, скользили по её спине и плечам его осторожные горячие ладони. Эти прикосновения она ощущала сквозь тонкую футболку каждой клеточкой кожи; и каждое касание, словно кончик пера, коснувшийся поверхности воды, оставляло расходящийся след из едва ощутимых мурашек. Теперь ей волком выть хотелось от горестной досады на саму себя, потому что эти прикосновения ей так нравились, потому что она запомнила их, потому что в тот миг она мечтала только об одном: чтобы не заканчивалась музыка, и объятия длились.

Вот и поверишь, что в Хэллоуин открывается дверь между мирами, и то, что обычно незримо, становится явным. В ту ночь Флёр наконец-то создалась себе в том, о чём Ганс и Филипп догадались, видимо, уже давно: профессор Стенс был не только хорошим преподавателем и интересным человеком; Флёр всё больше видела в нём мужчину. Мужчину взрослого, сильного и желанного.

Это обстоятельство сводило её с ума. Надо ж было так встрять! Мало того, что он как бы ни вдвое её старше, и к тому же женат. Он настолько умнее и опытнее, что все её моральные метания и терзания должны для него быть как на ладони. Стыд и срам, да ребята ещё с ним сдружились, как будто он очередной их сверстник. Ведь общение со студентами уважаемого профессора может в лучшем случае забавлять...

И последней каплей стал вопрос Ганса, при первой же встрече после приснопамятного праздника:

- Ну, как? Что у вас было?

Тут Флёр понесло. Ребята выслушали десятиминутную тираду, входе которой оказались и разгильдяями и сводниками, и безответственными придурками, сваливающими на неё свои проблемы в виде безнадёжно пьяного тела преподавателя (конечно, как «по приколу» в клуб затащить профессора и напоить до бессознанки – так это они могут, а что с ним потом делать – так это ей разбираться?!)... и ещё много всего приятного, полезного и, несомненно, правильного. Вообще-то им и раньше случалось повздорить, но почему-то после этого разговора Флёр не чувствовала в себе решительно никаких сил налаживать непринуждённое общение. Может быть, нужно было время. А может, дело было вовсе и не в этом...

Волчица сидела, нахохлившись на краю скамейки на институтском дворе, пережидая «окно» между парами. Можно было бы последнюю пару прогулять, но одной тащиться куда-то было бессмысленно, а к ребятам она не пойдёт. Во двор её выгнало сугубое нежелание быть пойманной Анной или Марией. Полтора часа разговоров о косметике и мужиках сейчас были ей, пожалуй, не по силам.

- Привет! Ты чего здесь одна?

Волчица вскинулась, и с удивлением узнала перед собой Элину.

- Да так... а ты чего?

- Ганса жду, у меня занятия в колледже уже закончились.

- Долго ждать будешь, - посочувствовала Флёр, - пара только началась...

- Да ладно, - Элина махнула рукой, и пристроилась рядом на скамеечке. Чёрную куртку злой ветер не пробивал, но до вызывающих кожаных штанов дело пока не дошло, джинсы на девушке были самые обычные, и она зябко сжала коленки.

- Не-не-не, так не пойдёт, - уверенно сказала Флёр, про себя решив, что за полтора часа ребёнок отморозит задницу. – Пойдём-ка лучше в одно место...

Вообще-то кондитерская больше работала на заказ, изготавливая торты на свадьбы и юбилеи. Но какой-то гений додумался поставить на пункте выдачи три крохотных круглых столика с высокими, как в баре, табуретами рядом. Флёр не особенно любила сладости, зато у Элины глаза разбежались. В результате ей достался кусок вишнёвого торта, обильно украшенного взбитыми сливками. Флёр, пятнадцать раз объяснив продавцу и подруге, что не хочет ничего кроме кофе, принялась медитировать над чашкой капучино.

- Ты чего такая грустная? – Элина положила руку поверх руки Флёр, только-только начавшей отходить от холода. – Ой, и руки у тебя ледяные! Ты почему перчаток не носишь?

- А сама не догадываешься, - усмехнулась Флёр. – Поверх колец не налезают.

- Ну, взяла бы у ребят, в их-то перчатки ты точно влезешь.

- Да я привыкла, - пожала плечами Флёр. На деле, самым действенным решением проблемы было спрятать руки в рукава поглубже, и бежать из пункта «а» в пункт «б» побыстрее.

- Ну, хочешь, я у Ганса для тебя попрошу? То есть я не скажу, что для тебя. А ты потом, когда не нужны будут, вернёшь...

Волчица в упор посмотрела на Элину. Вот уж птичка-синичка, совсем маленькая, а глазки умные. Взрослые глазки у девочки. Ганс всякого нарасказывал? Или и до Ганса в жизни что-то повидать довелось? Может, потому и прибилась она к разнузданному пошляку, изрядно старше её – добрый он, Ганс, и девочек маленьких не обижает, небось, на руках носит, одеялко поправляет, когда спит...

- Иди ты лесом, миротворец маленький, - беззлобно улыбнулась Волчица, и принялась за кофе.

- Нет, ну а правда, почему ты на мальчиков обиделась?

- Не обижалась я ни на кого. На себя только если.

- Это из-за того парня, что с нами пиво пил и в клубе был, да?

- Какой он тебе парень. Это наш учитель, профессор Стенс.

- Но он же твой парень?

Тьфу ты, и эта туда же. Волчица сделала глубокий вдох, потом выдохнула. Уж Элина точно не при чём и обидеть никого не хочет. Попробуй только ещё и ей нагруби, злюка несчастная!

- Конечно, нет, Эль.

- Но он ведь тебе нравится, - не отставало пытливого дитя.

- С чего ты взяла?

- Ну, видно же, и... - она поняла, что сейчас сболтнёт лишнее, но Флёр и без неё мысленно закончила фразу «...и Ганс тоже так говорит». Паршивец ты всё-таки, друг дорогой. А Элина между тем выкрутилась, закончив фразу совершенно иначе. – И ты ему тоже нравишься, мне так кажется.

- Эль, ну не пори ерунды. Профессор дядечка взрослый, у него жена есть. А ребята просто так оценки себе накручивают.

- Ганс оценки не накручивает, он и так хорошо учится.

- Конечно, конечно, - улыбнулась Флёр.

- А профессор тебе и правда нравится, - ты, когда о нём говоришь, улыбаешься.

- Тебе на полицейского учиться надо, допросы будешь хорошо вести, - проворчала Флёр.

- Так и в чём проблема-то? – она даже про торт забыла.

- Ну, знаешь, нравится - не нравится, тут ведь не это главное, - Флёр говорила печально. Ощущение было странное: с одной стороны не хотелось откровенничать, с другой, всё, что наболело на душе, давно требовалось проговорить вслух. Две недели вынужденной изоляции давали о себе знать.

- А что главное? – Элина снова прижала ладошку к её руке. Доверчиво, словно не замечая холодных, неприятных на ощупь цепочек.

- А главное, милая Эль, это то, что таких вещей делать нельзя. Кто бы там кому ни нравился, а отношений таких не бывает, а если и бывают, то ничего из них хорошего не выходит.

- Вот видишь, ты ещё не пробовала, а уже руки опускаешь, -

пожурила Элина.

- Знаешь, что? – Флёр фыркнула так, что клочок пены от капучино повис у неё на кончике носа. Элина залилась весёлым колокольчиком, а пока Флёр ругалась и вытиралась, развила мысль:

- Мне вот тоже страшно было, когда мне Ганс нравился. Как же, кто я, и кто он? Я его года два назад заметила, он мальчишек прогнал, которые над котом издевались. Их было штук пять, а Ганс их чуть ли не за шкурки расшвырял, и пошёл себе дальше. А я кота подобрала и лечила, он теперь у меня живёт.

- Кто, Ганс? – всё это было слишком трогательно, чтобы Флёр сумела сдержаться и не высказаться.

- Нет, кот. А Ганс в соседнем доме живёт, это я быстро выяснила, но пока предлог для знакомства выискала, да пока смелости набралась...

- Два года и прошло, - закончила за неё Флёр, а про себя подумала, что одним вопросом стало меньше. Она-то всё гадала, где Ганс раскопал этого ребёнка. А оно вот как, оказывается, это не Ганс её раздобыл, а совсем даже наоборот дело было. Ну, Эль...

- Так вот и ты не бойся, - посоветовала эта потрясающая барышня, – мало ли что там «бывает» или «не бывает». Мне вон девчонки тоже говорили, что крутые парни на такихтихонь как я не смотрят никогда. А родители - что все парни, у кого волосы длинные – голубые, - Элина слегка покраснела, а Флёр прыснула в кулак.

Дверь открылась, впусив порцию холодного воздуха. Предупредительно звякнул бубенчик над притолокой.

- Вот они где, красавицы, сплетничают! – Ганс и Фил, завалившиеся в кондитерскую, своими изрядными габаритами заполнили практически всё оставшееся свободное пространство.

Ганс обнял Элину, и незамедлительно протянул руку Флёр. Она вдруг почувствовала, что у неё кончились силы сердиться и дуться. Пожала его солидную лапищу, стукнула кулачком в плечо. Фил тоже с удовольствием стиснул её ладонь.

- И о чём же дамы сплетничали? – поинтересовался он. – Ну-ну, продолжайте, мы посидим тут тихонечко.

- О мужиках, к гадалке не ходи, - осклабился Ганс.

- Конечно, - Волчица выдержала мстительную паузу, и добавила, - например о том, что нормальные люди с первого взгляда решают, что ты голубой.

Бесконечная череда муторных безрадостных дней прервана была случайно и совершенно неожиданно. Однажды Волчица немного опоздала на первую пару. Постучалась в аудиторию, извинилась, юркнула на своё место, и затаилась, как теперь это обычно бывало.

Профессор не заметил, когда она снова подняла на него внимательный взгляд, по которому он, надо признать, соскучился. Но когда заметил... он не знал, что именно она увидела, но взгляд тёмно-карих глаз был полон жалости, сочувствия, даже не сочувствия, а почти болезненного сострадания.

Он рискнул, и задал ей вопрос по уроку. Она немедленно ответила, продолжая изучать его, как будто видела впервые.

Кончилась лекция, студенты шустро расползлись из аудитории, Флёр осталась сидеть, где сидела.

- Что вы на меня так смотрите, Де Ленисс? – укоризненно поинтересовался профессор. Он не знал, каковы причины столь странного поведения девушки, однако был уверен в одном: в жалости он точно не нуждается.

- Профессор, - спросила она негромко, даже робко, - вы себя хорошо чувствуете?

- Что за вопрос, Де Ленисс? Конечно.

- М-м, - протянула она, - а мне что-то показалось, вас на фоне стены плохо видно.

Клемент только сейчас понял, что соскучился по её пристальному вниманию. Однако поведение её и манера речи явно изменились. Она была совершенно не похожа на себя, стала как-то... увереннее, что ли.

- Де Ленисс, - устало сказал он, - прекратите издеваться.

- И в мыслях не было, - парировала девушка. – Просто начинаю подумывать о том, чтобы взять на контроль состояние вашего здоровья. Хотя бы в плане регулярного питания.

- Что?!

- Обедать пора, говорю. Пиццу будете? – она улыбнулась, и наваждение пропало, это снова была прежняя Флёр, решительная и бесстрашная, но милая со «своими».

Профессор быстренько прокрутил в сознании привычную уже тираду о том, что «вот только совместного выхода через институтский двор ему для полного счастья не хватало», но сделал это уже просто автоматически. Обязательная мысль, как обязательная привычная процедура, например, помыть руки прежде чем садиться за еду. Ему вдруг ужасно захотелось пиццы. Не показалось даже странным, что Флёр подошла к нему сама, ведь обычно походы в пиццерию инициировали Ганс или Фил.

- Я вас там подожду, - благоразумно предложила девушка, которую, видимо, тоже некоторым образом смущала перспектива куда-то идти с ним вдвоём. - Но учтите, если опоздаете больше чем на пятнадцать минут, скормлю вашу порцию кому-нибудь другому.

- Если больше чем на пятнадцать – то хоть сама съешь!

- Не хочу! Она за пятнадцать минут остынет!

Профессор даже не удивился, когда пришёл в пиццерию, и обнаружил, что Флёр сидит там одна, без приятелей. Собственно, он не то чтобы догадывался... кажется, просто знал, что будет именно так.

- А где же верный эскорт? – поинтересовался он с усмешкой. «Ты пригласила меня сюда, и пришла одна. Это что-то означает, или у меня галлюцинации на почве хронического стресса?»

- Они передавали вам привет, - невозмутимо ответила Флёр. «Парни в курсе, возражений не имеют». Она покосилась на часы, потом смешно склонила голову на бок, стряхивая в сторону отросшую, слишком длинную чёлку. – Восемь минут.

- Прости, что?

- Восемь минут, вы уложились.

- Ну, что я могу сказать, - я приступил ко второй порции глинтвейна, - подход определённо здоровый. Конечно, я не то чтобы одобряю, но путь к сердцу мужчины...

- Натан, ты прекратишь надо мной издеваться?

- И в мыслях не было, - отозвался я, - хочешь чего-нибудь перекусить?

Глава 9. Рождественская карамель

Начался декабрь и город оделся в праздничный наряд. Это случилось как-то сразу, просто вчера ещё была обычная сумрачная осенняя мокрядь, а сегодня – на тебе! – всё великолепие рождественского убранства. У каждого магазина, у каждого бара, клуба, центра, «выросли» искусственные ёлочки всех мыслимых сортов и размеров. Витрины заискрились мишурой и огромными аляповатыми шарами, стоило сумеркам спуститься на город, как тысячи гирлянд разноцветным светом рассеивали тьму, весело перемигиваясь.

Институт зажил своей особой предновогодней жизнью. Временами создавалось ощущение, что большая часть преподавательского состава приходит на работу по больше части для того чтобы экстренно отрепетировать очередной номер к праздничной программе, довырезать снежинки и доклеить фонарики из цветной бумаги. Те из учителей у кого были дети, или – как, например, у мудрой Валенты – внуки, вообще выпали из учебного процесса. Как-то раз в учительской Клемент застал одну коллегу, вместе с аспиранткой увлеченно ваявших костюм мальчика-зайчика из голубовато-серого флиса. Основные проблемы вызывал, по-видимому капюшон с уныло обвисшими ушами (в последствии в них предполагалось вставить проволоочки, чтоб держали форму). Клемент уделил должное внимание рукоделию мастериц, посочувствовал проблеме ушей, но примерять капюшон в целях проверки усадки отказался категорически.

Какие бы проблемы ни навалились, какие бы беды ни обложили, какие бы тучи не сгущались на твоём личном горизонте, а игнорировать всеобщее праздничное безумие было просто невозможно.

Белый рождественский глинтвейн был чудо как хорош! Ночью подморозило, а снег всё запаздывал, и будет ли вообще этой зимой? Тут и там у корней деревьев белели льдистые россыпи инея, расползавшиеся пятнами, как мох. Они обосновались возле

огороженного катка, организованного для любителей конькобежного спорта, и наблюдали за героическими попытками Ганса не отстать от подруги. Лёгкая и маленькая Элина ловко скользила туда-сюда, то обычным шагом, то задом наперёд, подначивая приятеля:

- Ну давай же, равновесие держи, равновесие, аккуратней, ааа!
- Восемь, - констатировал Клемент.
- Девять, - поправила Флёр, - Вы за глинтвейном уходили.
- Хорош стебаться, Волч, - буркнул Фил, - я бы на тебя посмотрел.
- Так я сразу сказала, что я туда не пойду! – парировала она.

Клемент засмотрелся на катающихся. Было много детей и много влюблённых парочек. Все смеялись, многие, как и Ганс, кататься не умели совершенно, падали, поднимались, лезвия коньков разъезжались под ними в разные стороны, они падали снова, отряхивались со смехом и шли на новый круг. Красные куртки, синие куртки, ярко-жёлтые штаны, вязанные шапки всех сортов, с помпонами и без, с вывязанными ушами, с кисточками, и пик сезона – с привязанными сзади косичками из шерстяных ниток.

- Когда я был маленьким, бабушка всегда на рождество вязала мне шарф, - улыбаясь, поделился Клемент, - вот такой же, цветной, полосатый. Или шапку, обязательно с помпоном. Мама требовала чтоб я всё это носил, дескать тёплое, и бабушке будет приятно. А я отнекивался, потом что все мамы заставляли всех мальчишек носить вязанные вещи, и непомерно крут был тот, кому удавалось от этого отвертеться.

- Вам удавалось? – Флёр лукаво смотрела на него. Щёки и подбородок её покраснелись, глаза блестели.

- Не особо, - со смешком признался Клемент. – Максимум, на что я был способен, это выйти в шапке, и тут же её снять и запихать под куртку, пока товарищи не увидели.

- А уши не мёрзли? – саркастически спросил Филипп.

- Мёрзли, - от одного воспоминания о превращавшихся в ледышки ушах возникло непреодолимое желание потереть их сквозь чёрную фабричную шапку с широким отворотом.

- Зато вы были круче всех, - подбодрила Флёр.

- Ну что ты. Круче всех был один мальчик, ему родители купили настоящий кожаный берет, почти как у водителей трамваев, по крайней мере, нам казалось очень похоже. А я регулярно по шее получал: то забуду шапку надеть, когда домой возвращаюсь, то вообще из-под куртки потеряю... один раз шарф на заборе повесил, да там и забыл. Вот, такой же, как во-он у того парнишки. Полосатый. Ох, и всыпали мне – я ж в нём первый раз вышел, вот и хотел как лучше, чтобы не порвать и не испачкать...

После воссоединения «Святой троицы» (включая маленькую Элину – «Святой Четвёрки»), с ними стало ещё веселее и интереснее. Клемент уже не опасался очередного скандала или замечания декана, не волновали пересуды коллег. Всё это окупалось сторицей общением с симпатичными неглупыми людьми, предпочитавшими выискивать светлые стороны в жизни и безжалостно высмеивать тёмные – как раз то, чего ему сейчас катастрофически не хватало.

- Скажи пожалуйста, я могу рассчитывать на твоё общество в Рождество? – с плохо скрываемым сарказмом в голосе осведомилась как-то утром Дениз, пока он торопливо допивал горячий кофе, чтобы пораньше выйти на работу (во-первых, город застыл в традиционных рождественских пробках, во-вторых, дома находиться было по-прежнему не слишком уютно, хотя первоначальная ледяная ярость супруги вроде бы со временем поутихла).

- Конечно, - обрадовавшись нейтральной теме для беседы, улыбнулся Клемент. – у меня дежурство в институте двадцать шестого, так что в Рождество буду дома.

- А отменить дежурство ты не можешь? – капризно надула губки супруга. – Я думала, мы поедem к родителям, оттуда вернуться на следующий день ты не успеешь, тем более на дорогах скользко.

- Не думаю... - с сомнением ответил Клемент, - график утверждается заранее... Разве что поменяться с кем-то, но вряд ли. У всех ведь свои планы...

- И только у тебя их нет!

- Дениз, если бы ты сказала раньше, что хочешь ехать, я бы нашёл с кем поменяться. Но не за неделю же до Рождества! Давай отметим дома. Потом я подежурю, и хоть двадцать седьмого, хоть прямо в ночь рванём к твоим родителям в деревню.

- Дорогой, ведь Рождество это семейный праздник. А у твоих родителей мы были в прошлый раз.

- Милая, идея очень хорошая, но что же ты молчала о ней раньше?

- И ты ещё об этом спрашиваешь? Ты ведёшь себя так, будто я тебе

чужой человек, мне к тебе подойти бывает страшно, а ты спрашиваешь, почему я не сказала тебе, что хочу отметить Рождество в кругу семьи?!

Ну, конечно же, кто же ещё может быть виноват в сложившейся ситуации?

- Дениз, - он выдохнул, успокаиваясь и силясь придумать хоть что-то вразумительное, - милая моя, дорогая. Давай мы поступим так: я постараюсь что-нибудь придумать, и Рождество мы отметим вместе.

Разумеется, ничего вразумительного придумать так и не удалось. Никто из коллег не мечтал меняться сменами на дежурство в институте. Даже душевный приятель Натан, которому выпало дежурить в праздник, сказал, что домой к празднику двадцать пятого он успеет, а вот как раз на двадцать шестое у него большие планы. Клемент плюнул и покорился судьбе.

- А у вас, небось, на Рождество большие планы? – спросил он ребят. Они очередной раз отчаянно мёрзли в парке. Летнее кафе давно убрало пластиковые столики на склад, легли в спячку лотошники с пивом, зато Фил и Ганс оказались великими мастерами таскать в термосах всё, что только можно: от глинтвейна до чая с коньяком.

- Планы? У меня-то лично планы большие, - мгновенно помрачнел всегда оптимистичный Ганс. Пойду на заклятие – знакомиться с родителями Элины.

- Бедолага, - посочувствовал Клемент с высоты своего жизненного опыта. А я-то думал, это будет какой-нибудь очередной клуб? «Пещера дракона», или там «Пасть дракона»?

- Или «Задница дракона», - захихикала Волчица.

- На Рождество там шумно, - просветил профессора Фил, - и народу много всегда.

Профессор хмыкнул. А на Самайн, значит, было тихо, и людей было мало. Ну-ну...

- А у вас? – поинтересовалась как бы невзначай Флёр.

Он в упор посмотрел на неё. За последние пару недель они ещё несколько раз куда-то ходили вдвоём, всегда спонтанно и никогда специально не оговаривая следующую встречу. Чаше встречались вот

так же, компанией.

- Меня ждёт весёлое и безобразно трезвое Рождество – вызывают к родителям, явка обязательна. А двадцать шестого я дежурю в институте.

- Приятно, что кому-то повезло не меньше, чем тебе, - хохотнул Ганс.

Клемент заранее смирился с тем, что это неизбежно. Он закончил лекции двадцать четвёртого чуть позже полудня, пожелал студентам и коллегам хорошего праздника, и помчался домой. Там спешно посадил в машину Дениз и стартовал в сторону «загородного поместья» её родителей. Они добрались только к ночи, под праздник заторы на дорогах самозарождались в самых невероятных и непредсказуемых местах. Разумеется, поездом можно было добраться и быстрее, но Дениз ненавидела общественный транспорт лютой ненавистью (в своё время ей приходилось тратить по четыре часа в день на дорогу до института, где она училась, и обратно).

До места они добрались только к ночи, спешно выпили с родителями чаю, и улеглись спать. А на утро выпал снег. Клемент с детства обожал «белое Рождество», и какие бы невзгоды ни поджидали в сумрачном «вчера» и призрачном «завтра», сейчас его переполнял совершенно искренний праздничный восторг. Он даже задумал было слепить на лужайке перед домом снеговика, но тут его позвали в дом, там требовалась какая-то помощь, да и вообще родители предпочитали чтобы «дети» были всё время на виду, и развлекали их ответами на бесконечные дотошные вопросы. Наверное, все родители на свете одинаковые.

Семейный ужин прошёл в атмосфере дружеской, тёплой и сдержанной. Денизни словом не упомянула о семейных проблемах и Клемент полностью поддержал супругу в этом начинании. Как говорится, чем меньше в конфликте участников, тем быстрее он может быть нейтрализован.

- Надеюсь, вы останетесь до Нового Года? –подавая на стол восхитительный яблочный пирог спросила матушка Дениз (дама с безупречной, несмотря на возраст, осанкой и тщательно уложенными волосами, в которых седина смотрелась благородной платиной).

- Конечно, мама, - заверила Дениз, - мы же специально для этого приехали.

- Дорогая, - неловко кашлянул Клемент, - ты не забыла, что у меня завтра дежурство?

- Дежурство? В Рождество? В институте?? – отец Дениз распушил седую щёточку усов в праведном возмущении.

- Так получилось, - развёл руками Клемент, - я не смог поменяться ни с кем из коллег.

- Бедный мальчик, - посетовала тёща, - конечно, кто же ещё согласится работать в самый семейный праздник.

- Это о многом говорит, - голос Дениз и пронзительный взгляд, устремленный на мужа, не сулили последнему явно ничего хорошего.

- Исключено, - снова фыркнул тесть, - ты просто не сможешь туда добраться к завтрашнему утру.

- Если поеду сразу после полуночи, доберусь по пустой дороге, - заверил Клемент. – А Дениз останется, и вы продолжите праздник, - он улыбался. В конце концов, задача была решена с минимальными потерями: к Рождеству он доставил Дениз в отчий дом, а ночью он оставит ей припасённый подарок, и сорвётся в город. В конце концов, дежурство, особенно в праздник, дело безнадежно скучное, а подремать можно и на диване в учительской. А там, чем чёрт ни шутит, можно будет и вернуться к жене, чтобы ей не пришлось добираться обратно поездом.

Задумано было замечательно. Несколько охов и ахов от тёщи по поводу снежной дороги и опасности ездить ночью в расчёт не шли. Однако стоило Клементу оказаться наедине с женой в их комнате, как идея перестала казаться столь уж блестящей.

- Ты мне не говорил, что собираешься уехать, - легонько постукивая

пальцами по спинке стула, проговорила она.

- Я же говорил, что не смогу отменить дежурство, - резонно возразил Клемент. – Милая, ты же хотела отмечать с родителями, чтобы вся семья была в сборе? Мы приехали сюда. Завтра я съезжу на дежурство, а через день вернусь. Или ты сама приезжай.

- Я всё поняла, - поджала губы Дениз. – Даже праздники уже для тебя превратились в обязанность. В принудиловку, в проформу. Что ж, не смею тебя задерживать. Или, может быть, тебя кто-то ждёт? Тогда зачем было так напрягаться?! Мог бы сразу сказать, что тебе не до меня...

- Ты всё не так понимаешь, - попытался урезонить супругу Клемент.

- Ну, разумеется, - фыркнула Дениз.

Клемент не стал продолжать эту крайне содержательную беседу. Накинул пиджак, попрощался, и вышел из комнаты. Проходя сквозь тёмную гостиную, освещенную лишь неверными перемигивающимися огоньками гирлянды, он вытащил из кармана припасённую коробочку, и положил в красивый расшитый серебряными и зелёными аппликациями носок с надписью «Дениз», по традиции, висевший над камином. В коробочке был золотой кулон, одна из тех вещиц, которые радовали Дениз неизменно. Однако, видимо, в этот раз поцелуя и пожелания «счастливого Рождества» ему не дождаться.

Профессор Стенс был полумёртв от усталости, когда двадцать шестого декабря он дотащил своё брненное тело до дежурства в институте. Вяло приветствовав охранника (тот сочувственно покивал), он поднялся в учительскую и сделал отметку в журнале о своём триумфальном прибытии. Проверил, что все телефоны в порядке, и работают. Прошёл ко входу и запер учительскую на ключ изнутри. Поспать после дороги ему довелось всего полтора часа, поэтому он не был уверен, что до конца проснулся, когда снова сел за руль и поехал в институт. Положение дел надо было срочно исправить. Вот этот низкий уютный диван как нельзя лучше приспособлен для спасения жизни умирающих от усталости преподавателей. А где-то под бумагами на столе, кажется, завалился какой-то симпатичный недочитанный журнал...

Он вернулся к своему столу (да уж, развёл ты, друг любезный, бардак на рабочем месте) и принялся перебирать бумаги. Полистать журнал минут десять, пока веки сами не отяжелеют, а глаза не начнут слипаться. Клемент отложил в сторону стопку ответов с очередной контрольной, аккуратно расправил и убрал в нужную папку ведомость, и совсем уж было хотел вытащить выглядывающий из-под черновиков уголок журнала за глянцевого уголок, как что-то привлекло его внимание.

Письменный стол был оборудован дополнительными полочками для хранения всего подряд. Клемент складывал в выдвижные ящики возле правой ноги запас канцелярии, а один отвлёл под отслужившие своё документы, которые пока не следовало выкидывать в урну (мало ли, вдруг пригодятся). Продолговатая ниша слева вроде бы приспособлена была под расположение системного блока современного компьютера. Клемент обычно ставил туда портфель, с которым ходил на работу. А сейчас там лежал неприметный пакет, достаточно невзрачный, чтобы запросто оказаться чьей-то сменной обувью. Но кому понадобилось ставить её сюда? Может, просто ошиблись?

Преодолевая апатию абсолютной усталости, Клемент вытащил пакет, и заглянул внутрь. Блеснула в тусклом свете цветная бумага. Нет, это не забытые кроссовки. Совершенно не задумываясь о том,

что делает, профессор перевернул пакет и вытряхнул содержимое на только что расчищенную столешницу. Перед ним оказался небольшой, свёрток, довольно пухлый и лёгкий, в яркой обёртке, перевязанный атласной ленточкой. Очень мило. Наверное, кто-нибудь ошибся адресом. Надо же, как обидно – один хороший человек решил сделать подарок другому, а посылка не дошла.

За ленточку цеплялась невесомой серебристой ниткой крохотная открытка. Клемент аккуратно, стараясь ничего не помять, развернул открытку и прочитал:

«К.Стенсу,

Самому лучшему профессору

Счастливого Рождества!»

Приятно, чёрт возьми, ошеломлённо подумал профессор. Приятно? Это было невозможно, немыслимо... трогательно, по-детски, безумно. Он перечитал открытку ещё раз. Потом ещё. Подписи не было, но он прекрасно знал этот почерк. И какая разница, как она попала в учительскую, кто показал ей его стол, и что она при этом уверенно врал. Столько хлопот просто для того чтобы поздравить с праздником... кого? Строгого профессора? Или его, вот лично его, КлементаСтенса, который стоит столбом, хлопает ресницами, как барышня на выданье, и не знает, что делать дальше?

А руки уже сами потянулись вперёд, по-хозяйски стиснули свёрток, ощутив прохладу глянцевиной обёртки. Она подалась под пальцами, легко расползаясь в стороны, ленточка пёстрой змейкой сбежала на пол, не удержавшись на краю стола. И в руках у профессора оказался вязаный шарф. Толстенный, тёплый и шерстяной, немыслимой аляповатой расцветки: белые, красные и зелёные полосы разной ширины, в которых тут и там проблескивали ловко вплетённые серебристые нитки. Рождественский шарф, как у ребят на катке, которым он недавно позавидовал – с улыбкой и не зло, и всё же, теперь, когда в руках оказалось это вязаное богатство, Клемент был по-настоящему счастлив! Лучший подарок. Продуманный, нужный и милый. Такие вещи хранятся годами, их не обязательно даже носить, достаточно знать, что вот здесь, в этом ящичке, лежит подаренное тебе сокровище, в которое вложен кусочек чужой чуткой и доброй души.

Он развернул шарф, чтобы оценить длину, и на пол вывалилась

маленькая гремящая коробочка.

- Пакет с сюрпризом, - пробормотал профессор, нагибаясь за упавшей коробочкой.

Это были конфеты. Маленькие бело-красные рождественские карамельки. На языке немедленно возник вкус мяты, корицы и имбиря. Детям дают такие, когда болит голова, или когда укачивает в самолёте или машине... да что там говорить, пока тебе не исполнилось лет семь, это лекарство помогает вообще от всех бед! Стоит только пожаловаться маме на свои горести и обиды, как из заветной вазочки тебе прямо в руки прилетит вождёленная конфета, пахнущая, даже сквозь шуршащую прозрачную плёночку, сладко и пряно.

Он автоматически развернул карамельку, положил на язык, и держал до тех пор, пока от мяты и имбиря язык не защипало – только потом он перекатил конфетку за щеку и приготовился крепко обдумать ситуацию. Клемент всё-таки взял журнал, устроился на диване, но рациональные мысли всё никак не лезли в голову.

«Президент страны поздравил с праздником уважаемых граждан...»

Чудесная идея. Настроение праздника сразу появилось! А до этого что было? Вроде бы и ёлка, и семейное торжество, любимые застольные шутки...

«Министерство транспорта сообщает, что ситуация на дорогах остаётся напряженной и призывает водителей...»

Ага, заметили. Пять сантиметров снега замешанного на грязи и куча аварий. А между прочим, это вполне в её стиле: сделать подарок некстати; или наоборот – очень кстати, но без предупреждения, без пафоса, не заставляя смущаться и благодарить.

«В зоопарке закрыли часть вольеров в связи с экстремальными погодными условиями...»

Надо полагать, жирафу и кенгуру местные метеокатаклизмы не слишком полезно. «Не климатит» им здесь. Где это он слышал такое смешное слово? Не иначе у студентов подцепил... кстати, в шею от окна здорово дует. Интересно, этот шарф тёплый?

«Премьера нового фильма грозит обернуться грандиозным успехом, кассовые сборы уже превысили...»

А о чём фильм? Тьфу, бред какой... чёрт, и правда дует в шею.

Как оказалось, шарф был не только длинный, но и феноменально тёплый, вязаный вручную на крупных спицах. Где, интересно, она его взяла? Впрочем, Клемент не сомневался, что угадает ответ с первого раза. Он замотал шею, поудобнее угнездился на диване. Расколол зубами почти растаявшую за щекой карамельку и проглотил.

«Полиция задержала преступников, предпринявших попытку ограбить магазин сладостей на улице...»

- Какие молодцы, - одобрительно пробормотал Клемент, небрежно сложил журнал, и закрыл слегка саднящие глаза.

Ему снился зимний лес. Огромные, пушистые, вязкие сугробы, по которым он брёл, утопая выше колена. Но снег был тёплым, а вдалеке

приветливо светились желтоватым светом окошки лесной хижины. Он приблизился, поднялся на крыльцо, открыл тяжелую деревянную дверь. Здесь было тихо, только уютно потрескивал жарко растопленный очаг. Клемент снял куртку, чтобы отряхнуть от снега, и с удивлением обнаружил, что куртка чёрная... как они говорили, она называется? – косуха. Не найдя другого места, он повесил её на ручку кресла, в которое уселся сам. Он протянул к огню ноги, а кто-то заботливый, неслышно подойдя сзади, накинул ему на плечи уютный плед. Клемент не растерялся, поймал руками ласковые тонкие руки, принялся чертить пальцами причудливые узоры на нежной коже. Он уж совсем было вознамерился поймать стоящую за спиной девушку, одним движением усадить к себе на колени, чтобы продолжить ласку, он обернулся... и всё пропало. Был только зимний лес да метель, но на этот раз на нём не было куртки, укрывающей от ветра. Он вдруг провалился в сугроб по пояс и на сей раз ощутил, что снег не просто холодный, ледяной...

- Ты не заболел? - спросил я, и впрямь забеспокоившись о здоровье приятеля.

- Ты знаешь, удивительное дело, но нет. Разве что...

Глава 10. Ритуал

...Клемент думал, что уже завёлся дальше некуда. Зря он так думал.

Клемент проснулся на вдохе. Всё тело заоченело, зато в груди было жарко: ещё бы, если учесть, что спал он в шерстяном шарфе и при открытом (вот ведь тупица) окне.

Усталость предыдущей, почти бессонной ночи отступила, зато накатило волной и поволокло за собой странное состояние. Ни логики, ни сомнений, ни колебаний - просто некое академическое зание, как надо, и что сейчас будет.

Он встал с дивана, болезненно понянулся, в меру сил растёр затекшие руки. Встряхнулся, и принялся спешно приводить себя в порядок. Снял шарф, в меру сил поправил помятый пиджак, надел куртку, и шарф - на сей раз поверх куртки. Бросил в карман коробку с карамельками.

Можно было бы позвонить с благодарностями. Можно. Если бы он удосужился поинтересоваться номером телефона. Хотя зачем, если он знает адрес? Если её нет, что ж, значит, не судьба. Он почти уверил себя в том, что так и будет. Наверняка у неподражаемой Волчицы свои планы на праздники, и прямо сейчас она их радостно реализует. Он позвонит в дверь - раз, другой, подождёт минутку, позвонит ещё, и уйдёт домой, огорченный и обиженный в лучших чувствах.

Кажется, в гости не принято ходить с пустыми руками? Рождество же! Закрыто всё, кроме аптек и бензозаправок, и то через одну. Купить большую пачку презервативов, - ехидно подсказало подсознание. Клемент досадливо отмахнулся. Это, конечно, тоже, но зачем же опешлять идею?!

Клемент окончил сборы, закрыл учительскую на ключ, сбежал по лестнице вниз и извинительно кивнул охраннику. Тот ответил понимающей улыбкой и пожелал хорошего праздника.

Город как будто вымер. Не было машин, не было прохожих, не было даже бродяг на улицах (куда они только, бедолаги, попрятались

в такой холод?). Клемент немало удивился, когда заметил возле метро радостно светящийся витринами средних размеров ларёк. Он остановил машину. Цветы, безделушки... да, пожалуй.

Он всё-таки купил цветов - вернее, один цветок в горшке “рождественскую звезду”, алеющую верхней розеткой листьев. Почему-то показалось, что это будет куда уместнее букета белых роз. С вином повезло куда меньше. Магазины спали, сделав месячную выручку за один вчерашний день. Он почти отчаялся, когда заметил очередной магазинчик, сонно мигающий пригласительной табличкой “Открыто”. Выбор был небогат, но за неимением лучшего... Клемент взял бутылку виски по тройной цене. Не то, что хотелось бы - кажется, девушек принято угощать белым вином, шампанским предпочтительно, но за неимением лучшего...

У двери подъезда он замешкался, засомневался. Но только на миг - уже привычное за последние полтора часа отупление абсолютного знания “так надо” взяло верх. Он вспомнил номер квартиры и хотел позвонить, но вовремя вспомнил, что домофон не работает. Рванул на себя тяжелую металлическую створку, и бегом промчался по лестнице положенные этажи, считая пролёты: “два, четыре...” Уже стоя перед дверью выравнивал дыхание.

Что я делаю, пронеслась одна-единственная здравая мысль. А потом растаяла, как и не было её. Клемент нажал на кнопку звонка.

Всё было ровно так, как он себе и представлял. Никто не отозвался, за дверью не слышались осторожные шаги. Невозможно описать, какое облегчение ощутил профессор, когда понял, что ему никто не откроет!

Весь бред мигом выбило из головы, он снова был собой, он был вменяем и полностью осознавал свои поступки. Он упёр палец в кнопку звонка, уже просто для проформы, чтобы потом не терзаться предположениями. Палец ещё прижимал кнопку, когда дверь распахнулась навстречу.

- Слышу, иду, - с этими словами на пороге возникла Флёр.

Такой он ещё никогда её не видел. Чёрная куртка, цепи, кольца и бесформенная толстовка с волком канули в лету. Перед Клементом стояла девушка в домашних шортах сильно (очень сильно) выше колена, и бесформенной майке на три размера больше чем была нужна. Майка кокетливо свешивалась, обнажая сквозь безразмерный ворот плечо, на котором ещё смутно угадывался лёгкий налёт летнего загара.

- Профессор Стенс? - изумлённо охнула Флёр, и немедленно принялась прятать плечо под майку. Гиблая затея.

- Привет, Волчица, - отозвался он, думая о том, что под растянутой майкой наверняка ничего нет. Абсолютно ничего. - Спасибо за подарок, - он огладил повязанный на шею шарф.

- Вам к лицу, - немедленно отозвалась Флёр.

- Пригласишь войти? - непосредственно, на грани нахальства, поинтересовался Клемент. - Или... ты кого-то ждёшь?

Она не умела ещё играть по взрослым правилам. Поэтому ответила:

- Конечно, нет, - и тут же нашлась в пространстве, - то есть конечно жду. Вас.

Клемент перешагнул порог и, чтобы не особо толкаться в тесной прихожей, протянул ей цветок.

- Это тебе!

- Ух ты! Спасибо, - обрадовалась Флёр. - Я всегда такой хотела. Хотя, боюсь у меня света маловато...

Она пригласила его пройти в дом. Клемент оставил ботинки и куртку в прихожей, и всё ещё не мог понять, как начать разговор. И

надо ли его вообще начинать.

- Хотите кофе? - спросила с кухни Флёр. У ног её тёрлось чёртово чудовище с лысой шкурой, но профессора это уже не смущало.

- Давай лучше чаю, - предложил он, и тут же сообщил, - я тут кое-что принёс, так сказать, разбавить...

Флёр сноровисто заварила чай. У заварочного чайника был сколот носик, но совсем чуть-чуть. Налить густую тёмно-коричневую (прямо под цвет её глаз) жидкость это ей совершенно не помешало. На стол, не покрытый скатертью, не попало ни капли.

Клемент откупорил бутылку, и щедро плеснул в обе чашки виски. Для непринужденности и лёгкости общения, как он себе это представлял.

Флёр долго сидела над чашкой, не рискуя прикоснуться. Потом сделала глоток - один-единственный, и сразу подняла на него глаза.

- Нравится? - спросил Клемент, успевший, несмотря на то что было горячо, на половину опустошить чашку. Он совершенно не чувствовал хмеля, вероятно, он выветривался от контакта с кипятком.

- Ну... так, неплохо, - ответила Флёр, и стало совершенно понятно, что фокус с крепким напитком, добавленным в чай, не удался.

- Брось, - посоветовал Клемент. - Не нравится - не пей. Просто, к несчастью, в Рождество магазины закрыты, и я не нашёл, где бы взять тебе “Леффе”. Но ведь если идёшь в гости, надо же соблюдать приличия, - он улыбнулся, светски, совершенно нейтрально. Он наконец нащупал под ногами почву: она не пьёт. Сейчас она покончит с чаем и выставит его вон во имя всего святого что есть на этом свете. Вот и правильно!

- Хотите пива? - оживилась девушка.

- Ну что ты. Нет, не мешать же теперь, - он взглядом указал на свою дымящуюся чашку.

- Ладно, - с видимым сожалением отозвалась Флёр. - А то мог бы выйти дивный совместный вечер...

Она сделала долгий глоток из толстостенной чашки чаю, щедро сдобренной крепким спиртным.

Может быть, логичнее всего было незаметно подлить в заварку ещё виски, и уложить барышню спать. Но Клемент не за тем пришёл, и сам прекрасно осознавал сей факт.

Флёр поставила чашку на стол, склонила голову на бок, как на уроках, страхнула чёлку со лба, чтобы не застила глаза...

- Так зачем вы пришли, профессор? - поинтересовалась она, и в глазах прыгали шальные огоньки...

Он не сразу собрался, чтобы ответить. Слишком явно было его желание, слишком откровенна её провокация... Стой, Клемент, дружище. Она же девчонка, подросток. Ну хоть ты-то держи себя в руках. Ты же взрослый, осознавший себя мужчина. Ты понимаешь и про женщин, и про священные пляски с бубном, и про шампанское с клубникой, и про непременно, обязательный в любых обстоятельствах, ритуал...

- К чёрту ритуал, - сказал вдруг совершенно бесцветным голосом Клемент. А потом подорвался с места, неистово, неуловимо быстро, сгрёб Флёр с дурацкого табурета и подхватил на руки.

От высоты у неё мгновенно закружилась голова.

Клемент секунду помедлил, а потом коснулся губами её губ - легко, как будто бабочка задела крылом. Этот жест был естественным, таким необходимым... Тёплые губы девушки дрогнули в ответ на его прикосновение, запоздав всего на долю секунды. Он решил дать ей второй шанс, и поцеловал её снова. Она ответила сразу же. И ещё раз. Поцелуй становился глубже, горячее, откровеннее...

Сделав небольшой перерыв, Клемент быстро огляделся. Девушка была невесомой, он мог бы держать её на руках хоть вечно, однако хотелось бы всё-таки перевести их общение в другую плоскость. На глаза попался диван... да не диван, он отчётливо это помнил, куцый диванчик. Ладно, за неимением лучшего...

Полетели в сторону подушки, Клемент осторожно опустил свою драгоценную ношу на клетчатый плед.

Сквозь тонкую ткань футболки он чувствовал тепло её тела. Ощущение это было настолько восхитительным, что он наслаждался каждым мгновенным касанием: вот ладони скользнули по спине вверх, пальцы коснулись трогательно выступающих лопаток. Клемент опустился на колени, и снова поцеловал Флёр в губы – неторопливо, упиваясь восторгом предвкушения.

Господи, какая же она была маленькая. Его маленькая девочка. Руки Флёр замерли у него на плечах – помедлили, и принялись выписывать ассиметричные узоры; тонкие пальчики иногда задевали его обнажённую шею, и Клемент пьянел от этих прикосновений.

Она сама нашарила край футболки, потом легко позволила ему перехватить инициативу, приподнять её и стянуть через голову. Клемент думал, что уже завёлся дальше некуда. Зря он так думал. Тонкое тело девушки было чутким, как музыкальный инструмент. Не скрипка, нет – с ней принято сравнивать куда более массивные формы, так что подходящего сравнения Клемент не нашел, да это было и не важно. Она едва заметно вздрагивала от его прикосновений, и он превратил это в игру – коснулся кончиками пальцев ключицы, легко пробежал дыханием по шее, коротким, почти незаметным поцелуем, коснулся груди... Флёр выгибалась навстречу его ласкам, покорная, податливая, мягкая. Руки её нерешительно гладили его спину сквозь рубашку. Ну, что же ты медлишь? Сними её... Ладно, я подскажу ещё.

Он легко, в два движения, стянул с неё неприлично короткие шорты и бельё. Вот так-то лучше! И принялся горячими ладонями оглаживать стройные ноги, бёдра и живот, стараясь пока не думать о чём-то большем и не торопиться. Она льнула к нему, как выюнок к скале, по которой тянется вверх тонкий побег.

Клемент не выдержал, одной рукой рванул ворот своей рубашки, иначе было тяжело дышать. Флёр его прекрасно поняла, тонкие пальчики легли на его грудь, расстегнули одну пуговицу, другую...

Он осторожно положил ладонь ей на живот и медленно повёл руку ниже, ещё чуть ниже, уже предвкушая густую волну страсти, которая сейчас их накроет.

- Расслабься, - прошептал он, целуя нежную кожу девушки за ухом.

И – что-то случилось. Флёр послушно отвела колено в сторону, позволяя его руке свободно путешествовать по внутренней стороне бедра. Только вот руки её застыли у него на плечах, она не отвечала на поцелуи и спрятала лицо у него на груди. Клемент попробовал коснуться нежной кожи внизу живота – и отступился, что-то явно было не так.

- Не хочешь? – задыхаясь от сдерживаемого желания и сходя с ума от одной мысли, что от этого великолепия, почти достигнутого, почти принадлежащего ему, придётся прямо сейчас отказаться.

- Всё хорошо, - уловил он еле-слышный шепот.
- Флёр? – Калемент убрал руку, титаническим усилием заставил себя отодвинуться хотя бы немного. Осторожно коснулся её лица и заглянул ей в глаза. В них плескался не то что страх, настоящая животная паника и обреченность. – Флёр, в чём дело?
- Всё хорошо, - повторила она безнадежно.
- У тебя это в первый раз? – догадался он.
- Н... нет, - с трудом преодолевая стыд, созналась она. – Просто...
- Что?!
- Просто были... ммм... неприятные прецеденты, - она сжалась на диване, обхватив плечи и прикрывая грудь.
- Плохо. Совсем плохо, понял Клемент и попытался успокоиться.
- Та-ак, - протянул он, стараясь чтобы голос звучал непринуждённо. Он решительно не представлял, что теперь делать.
- А Флёр была на грани слёз. На пороге истерики. И это нужно было переломить.
- Он встал. Сделал два шага (в крохотной комнате этого хватило) и... зажег свет.
- Она сидела перед ним, беспомощная, скусившаяся на клетчатом пледе, отчаянно стыдящаяся своей наготы. Клемент смотрел на неё, изнемогая от нежности, желания и... ярости в адрес того, кто посмел обидеть, осквернить, унижить эту совершенную трепетную малышку.
- Он собрался с духом и сел рядом на диван. Легко обнял за плечи – Флёр колотило. Не ознобом страсти, а крупной дрожью смертника перед исполнением приговора.
- Давай договоримся так, - голос его был низким, обволакивающим, уверенным. – Сегодня здесь не произойдёт ничего, чего ты не захочешь. Поняла?
- Угу, - она шмыгнула носом и прижалась к нему плечом и спиной, ища поддержки, защиты, тепла... Вот и ладушки, уже неплохо.

Она подтянула колени к груди, и Клемент обнял её, как ребёнка, принялся баюкать, чуть покачиваясь из стороны в сторону.

- Что теперь будет? – вдруг спросила Флёр откуда-то из-под его локтя.

Будет всё, хотел ответить Клемент, но сдержал разбушевавшуюся фантазию.

- Будешь сидеть так, пока тебе не станет всё равно, - объяснил он, - одета ты или нет. А потом поглядим.

Кажется, она растерялась. И то хорошо, хотя бы плакать не будет.

- И запомни, что ничего, ровным счётом ничего не будет, пока я не услышу от тебя слова «я хочу». Понятно?

Она кивнула; носик ткнулся в его руку, и Клемент подумал, что выполнить задуманное будет ох как непросто...

Прошла минута, другая. Клемент взялся осторожно разминать её напряженные плечи. Сантиметр за сантиметром добиваясь того чтобы съёжившийся котёнок в его руках перестал прятаться.

Флёр отвечала на ласку. Сначала одна рука принялась водить пальчиками по его руке, затем вторая потянулась и пригнула его голову чуть ближе. Отлично. Клемент стал целовать её шею. Медленно, очень медленно, проводя языком по бьющимся в сумасшедшем ритме жилкам. Осторожно, легче лёгкого, прихватывая губами кожу.

- Ты боишься? – прошептал он, одновременно накрывая рукой её грудь.

- Нет, - соврала Флёр, но тем не менее запрокинула голову ему на плечо, чтобы ему удобнее было её ласкать.

Его чуткие пальцы выписывали спирали и круги по нежной коже её живота.

- Погаси свет, - вдруг попросила Флёр.

Мир перед глазами померк. Клемент послушно встал, снова сделал два шага до выключателя, и комната погрузилась в полутьму.

- Я хочу, - донёсся нерешительный шепот с дивана.

- Чего ты хочешь, малышка? – осипшим голосом, сам не узнавая себя, спросил Клемент.

- Хочу тебя.

Он снова встал на колени. Он преклонялся перед ней, решительной, гордой, победившей свою слабость, свою трусость, и что важнее всего – доверившейся не кому-нибудь. Ему!

Вот это, дорогой мой, и есть настоящая победа. Если ты и это сможешь, будет действительно достойно.

Клемент осторожно положил её ладони себе на грудь, и девушка безропотно принялась расстёгивать рубашку. О большем он пока не просил. Он сам снял брюки и бросил куда-то в сторону. Помнутся? Ну и бог бы с ними.

Всё ещё стоя на коленях возле дивана он заставил её лечь, растянуться во весь рост – не удивительно, ей дивана как раз хватало от макушки до пяток, и принялся целовать её тело. Шея, плечи, ямочка между ключиц, живот, ниже... стоп! – это пока напугает, и дальше: внутренняя часть бедра, чуть-чуть спуститься губами, в этот момент пощекотать ладонью и отвести в сторону колено...

Она тихо вскрикнула, когда Клемент осторожно коснулся пальцами самого сокровенного. И тут же снова расслабилась, позволив ему ласкать себя. И это было упоительно, завораживающе сладко... невообразимая пытка, на которую соглашаешься с радостью. Правду ли говорят, что некогда был культ женщин-воительниц, проносящих жертву своему Богу таким способом: заставляя мужчин погибать от исступляющей страсти?!

Клемент сбросил рубашку, которая противно путалась, мешая рукам, и наконец ощутил момент близости. Сейчас. Коснуться кожи кожей. Он поднял Флёр и прижал к себе, она вздрагивала, но совсем слегка – возбуждение пересиливало страх. И Клемент сорвался.

Одним слитным движением рук он прижал её к постели, лёг сверху, страхуясь, чтобы ей не было тяжело. Мучительно заныли предплечья, но он терпел. Осторожно, вдумываясь в суматошные движения её ладоней на своей спине, развёл её колени; длинные пальцы погрузились в сладостное доверчивое тепло. Вот так. Теперь ещё немного, не бойся, расслабься...

- Расслабься, малышка, - прошептал он снова, и она подчинилась.

Она подчинилась! И встретила с радостью его движение. Она боролась со страхом и победила. Она отвечала на его ласки, неловко, неумело, но искренне. Она была с ним. Она принадлежала ему. Клемент застонал, не в силах сдерживаться больше, обнял эту невероятную, фантастическую девушку, и растворился в её ответных касаниях.

Флёр отдыхала, пристроившись на его плече. Лежать было неудобно, подушки, которые должны были составлять вторую часть дивана безбожно разъезжались, и Клемент прекрасно представлял себе, как проснётся на полу. Он старался выровнять дыхание, чтобы грудная клетка не ходила ходуном, и не мешала ей успокоиться. Впрочем, наверное, к лучшему, что в сон, тем более, на этом, с позволения сказать, ложе, совсем не тянет. Одно дело быть с мужчиной, другое – рядом с ним проснуться. Он как-то выпустил из виду, что Флёр уже однажды видела его и спящим и спросонок, при чём похмельным, и даже пьяным – до того.

- Тебе было хорошо? - тихо-тихо спросил он.

- Мне хорошо, - последовал едва слышный ответ.

Это здорово, Клемент улыбнулся, глядя в потолок. Хоть какая от меня на старости лет польза. Ему тоже было хорошо. Он почувствовал, что локоть свободной руки окончательно и бесповоротно провалился между подушками, представил себе, как затечёт рука к утру... прикрыл глаза и - провалился в сон.

Флёр лежала тише мышки, боясь пошевелиться, чтоб не потревожить спящего. Она разглядывала спокойное лицо профессора, стараясь запомнить каждый изгиб, каждую чёрточку. Сегодня в её жизни произошло настоящее чудо, и кто знает, повторится ли оно? А значит, надо прочувствовать этот момент, выпить его до дна, как терпкое вино, чтобы ощутить не только вкус, но и послевкусие... утро наступит слишком скоро, время неумолимо. Время безжалостно. А сейчас рядом с ней был мужчина, которого она по-настоящему любила. Теперь, ночью, об этом можно было думать, проговаривать про себя, и не стыдиться, не маяться условностями, не заботиться о проблемах. Завтра будет новый день, он всё расставит по своим местам. А пока она счастлива.

Флёр легко отстранилась, подпёрла щеку ладонью и принялась разглядывать его руки, плечи... всё, что не прятал плед. Больше она ни о чём не думала, растворилась в совершенном мгновении, как леденец в стакане тёплой воды. В окнах забрезжил серый зимний

рассвет, а она так и не смогла уснуть.

Клемент открыл глаза. На этот раз не было момента паники, не было мучительного вопроса, где он им как сюда попал. О, он очень хорошо помнил, как здесь очутился, и даже что делал. На разъезжающихся подушках было не очень удобно, на грудь давила странная непривычная тяжесть.

- Брысь, чудовище, - пробормотал Клемент, аккуратно снимая с себя кота и от греха подальше перекладывая на подушку. Флёр рядом не было, но с кухни доносилось тихое копошение.

Он встал, потянулся, обвёл комнату ищущим взглядом, и обнаружил свои брюки чинно висящими на спинке стула, хотя раздевался он вчера более чем небрежно.

Флёр сидела на табуретке, поджав одну ногу и что-то сосредоточенно выстукивала на ноутбуке.

- Доброе утро, - тихо сказал он.

- Доброе, - она подняла глаза, тревожные и печальные, и попыталась подсказать ему, как быть. – Ну что? «Что же я вчера наделал»? – она улыбалась, но глаза были, как будто на мокром месте. Она что, плакала?

Это не от слёз, понял вдруг Клемент. Выходит, она, вообще не спала? Сидела, и придумывала, что сказать ему утром. Долго сидела, и так и не легла. Вот дурочка.

- Нет, - он подошёл, обнял её, заключив в кольцо сильных рук, и аккуратно поцеловал в висок.

- Тогда кофе, - показалось, или она действительно вздохнула с облегчением?

- Кофе, - согласился он, придумывая о чём бы удобнее всего было сейчас поговорить. Нужно что-то совсем нейтральное, чтобы не заострять внимание на произошедшем, отвлечься. Подумать ещё будет время, а эта умница вон всю ночь думала, ей уже хватит.

Флёр поставила перед ним чашку с кофе, подвинула сахарницу, и снова уткнулась в компьютер. Сидеть в кухне было неудобно, на маленьком столике едва умещались чашки и прочая обязательная кухонная утварь.

- Как переводится «establishment», - спросила вдруг Флёр.

От неожиданности Клемент чуть не поперхнулся, попытавшись проглотить горячий кофе.

- Организация. Или установление. Как установление связей. Погоди, а в каком контексте?

Они посидели немного над переводом, который начала Флёр. Клемент заглядывал ей через плечо, и длинные волосы девушки то и дело щекотали ему лицо. Ему казалось всё более уместным и правильным отвести их в сторону, обнажая шею, но это было чревато определенными последствиями. Впрочем, сидя рядом с ней сложно было не сбиваться с умных мыслей, сладостные воспоминания сами собой лезли в голову, подсказывая, что нужно делать теперь.

Клемент положил ладонь Флёр на плечо, и совсем уже примерился дотянуться губами до нежного ушка... как телефонный звонок поставил жирный крест на его уже вполне сформировавшемся намерении.

Он вскочил, уронив табурет, наклонился поднять его и побежал в комнату.

- На столе, - неуверенно предположила Флёр.

На столе телефона не было.

Он обнаружился в кармане пиджака. Клемент уже успел согласиться с мыслью, что он не успеет снять трубку, но звонок продолжался, он нащупал кнопку:

- Да!

- Ты где?

Он даже не сразу узнал её голос.

- Привет, Дениз!

- Клемент, это не лезет уже ни в какие рамки. Я думала, ты к утру уже будешь здесь. Где тебя носит?!

- Дениз, прости, я... я занят. У меня тут возникли... проблемы.

- Проблемы? Милый, не морочь мне голову, я так и знала, что ты не без причины сорвался в город.

- О чём ты говоришь, - Клемент чувствовал себя беспомощным, голым. Он совершенно не умел врать. – У меня проблемы...

- Проблемы-проблемы, мог бы придумать что-нибудь пооригинальнее.

- Проблемы с машиной, - брякнул Клемент первое, что пришло на ум.

- С машиной? – недоверчиво уточнила супруга, и тут же видимо переключилась на финансовую сторону вопроса. – А что с машиной?

- Потом объясню, - устало сказал Клемент. – Я позвоню тебе позже, ладно?

- Целую, - равнодушно откликнулась женщина на том конце провода.

Клемент нажал кнопку «отбоя». Он чувствовал себя вымотанным, как если бы только что отработал смену в угольной шахте.

- Надо ехать? – на пороге стояла Флёр, прислонившись плечом к косяку. Остаток проёма заполнила гротескная тень: Буч точил об дверь когти.

- Д-да, - запнувшись, проговорил Клемент, чувствуя себя последним идиотом.

Флёр кивнула. По-взрослому, понимающе. Вернулась в кухню и загремела чашками, убирая со стола.

Клемент, как мог, привёл себя в порядок. Вид у него всё равно был весьма помятый, но это, видимо, значения уже не имело.

- Флёр, - позвал он, сосредоточенно проверяя карманы: мобильник, ключи...

- Да? – она выглянула из кухни, вытирая руки небольшим полотенцем.

- Скажи, кто это был?

Она не поняла.

- Кто это сделал, ты можешь мне сказать? – почему-то ему было важно это выяснить. – Кто обидел тебя... тогда, раньше?

- А, - Флёр махнула полотенцем, закинула его на плечо, - это давно, ещё в том институте... в общем был там один... - она странно, не то горько, не то презрительно, поджала губы, и закончила фразу, - препод.

Клемент не нашёлся, что сказать.

- Да не берите в голову, - посоветовала Флёр. – Теперь же всё хорошо...

И он ушёл. Так и не задав самый главный, застывший горизонт вопрос «Как же ты тогда... решилась... со мной?»

Дорогие друзья, уважаемые читатели! Спасибо, что следите за судьбами моих смешных героев.

Вот и подходит к концу первая часть этой истории. Что будет дальше? Как будут развиваться их отношения? И стоит ли им развиваться? Какие приключения ждут на пути несуразную парочку? Сейчас именно тот момент, чтобы рассказать об этом автору ;) Уделите пару минут, и оставьте комментарий, тогда наверняка ваши пожелания найдут отражение в... готовящемся ПРООЛЖЕНИИ!!!

Следите за новинками ;)

С уважением, Ваша

Ф.Фомина

- У тебя закурить есть? – спросил я, задумчиво потирая бровь костяшкой указательного пальца.

- Ты же бросил, - с невесёлой усмешкой Клемент достал из кармана и выложил на столик пачку.

Я вытащил сигарету, прикурил, втянул густой ароматный дым. Хорошие у товарища сигареты, да и «бросил» я - громко сказано, горбатого могила исправит.

- Ну, давай, пли, - поторопил Клемент. Он заметно нервничал. Любой бы нервничал на его месте.

И только я собрался с мыслями, как он не вытерпел:

- Давай, Натан, скажи мне, что я скотина, которая лезет на всё, что движется... будешь прав!

Я пожал плечами. Снова затянулся. Клемент потупился и принялся смотреть на собственные судорожно сцепленные пальцы. Кажется, я мог легко представить, о чём он думает.

- Ты её любишь? – спросил я в лоб. Было понятно, что на такой вопрос он ещё не готов отвечать, и будет ли готов когда-нибудь, ещё не известно.

Он вскинулся, глаза у него были больные. Клемент был похож на смертельно раненого зверя, который наконец-то заметил, что из дыры в боку хлещет густая горячая кровь. Он ещё помедлил, собираясь с духом, и развёл руками. Ответа не было. Что ж, не мне его винить. Говорят, мол, не суди, да не судим будешь.

Я потянулся через стол и легонько потряс его за плечо.

- А? – Клемент вынырнул из хмельного ступора. Теперь он казался просто усталым. Растерянным и беспомощным. Да, дружище, встрял ты по полной...

- Что я тебе скажу, - я снова вдохнул дым, чтобы ещё раз обдумать формулировку, - так это то... привыкни к мысли сразу, относись как к данности - что теперь действовать и принимать решения будешь не только ты.

Конец 1й части.

Конец